

Елена
Михалкова

Острые
сбившаяся
мечты

Елена Михалкова
Остров сбывшейся мечты

© Михалкова Е., 2014
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

– Твой остров – он внутри тебя, понимаешь? Если нет, его нужно создать. Это гораздо проще, чем напрасно мечтать о прекрасных и недоступных островах Тихого океана: белоснежных, теплых, бесконечно далеких от земли.

Придумай свой остров, защити его течениями и ветрами, запусти у берегов чудных разноцветных рыбок, похожих на леденцы-монпансье... Оживи его. И тогда – в любую минуту, в любую секунду – ты сможешь уйти туда, на свой остров, и наслаждаться одиночеством, как ты и мечтаешь. Только не забудь про старое выражение: «Одиночество – хорошая вещь, когда ключ от двери торчит с твоей стороны». Пусть на твоём острове будет дверь. И ключ – с твоей стороны.

Иначе твоя осуществлённая мечта может стать тем, что ты и представить не могла.

Адом.

Глава 1

Антон Липатов с трудом нашел место для парковки: весь двор был плотно заставлен машинами. Втиснувшись наконец между «дэу» и побитой «девяткой», он вышел из машины и осмотрелся. Новый многоэтажный дом, крошечная детская площадка с галдящими ребятишками, непрременные «ракушки» гаражей чуть поодаль, магазинчик на первом этаже. Ничего особенного.

«Чего ты ожидал? – спросил он самого себя. – Крупную вывеску с изображением Шерлока Холмса? Или, может, очередь к подъезду из дам под вуалями? Не придумывай себе глупый антураж, ты уже не мальчик».

– Макар, наш клиент приехал, – заметил Бабкин, глядя с двенадцатого этажа вниз. – Думает, идтить иль не идтить.

– Надумал? – лениво спросил Макар, доедая пиццу.

– Похоже на то. Во всяком случае, топает к подъезду. Слушай, что там у него случилось?

– Девушка пропала, – объяснил Илюшин.

– Бывает, – философски заметил Бабкин. – Девушки – они такие, ветреные. Имеют обыкновение пропадать, не поставив в известность возлюбленных.

– Я ему то же самое пытался объяснить, но он напирает на особые причины. – Макар вытер пальцы салфеткой и швырнул бумажный комочек в ведро. Комочек ударился о стену и отлетел на пол. – Говорит, его красавица исчезла при очень странных обстоятельствах. Настоял на скорой встрече, волновался.

Макар вскочил со стула, поднял комочек и забросил в ведро.

– Ты хоть в порядок себя приведи, – посоветовал Бабкин. – У тебя физиономия несолидная.

– Она всегда несолидная, – отмахнулся Макар, выглядевший от силы лет на двадцать шесть. – За солидность у нас отвечаешь ты. Сколько в тебе сейчас веса, я что-то запомнил... Центнер?

Бабкин усмехнулся и направился в прихожую, услышав звук закрывшихся дверей лифта. Полторы минуты спустя посетитель сидел в комнате, одновременно служившей Макару кабинетом, и несколько растерянно разглядывал хозяев.

Крупному, коротко стриженному мужику, вольготно расположившемуся на ковре возле кресла, было около тридцати шести, как на глаз определил Антон. Именно он открыл Липатову дверь. Смотрел стриженный внимательно, чуть настороженно. В руке он держал большую белую кружку с надписью «Мы – монстры» и время от времени отпивал из нее чай.

Второй, как догадался Антон, и был Макар Илюшин – детектив, к которому ему посоветовал обратиться знакомый. «Чудес не творит, но работает добросовестно, – сказал знакомый. – Весьма добросовестно». Липатов ожидал увидеть матерого мужика с повадками фээсбэшника, но перед ним на стуле сидел молодой светловолосый парень с улыбочивым, доброжелательным лицом, ничем не отличающийся от десятков студентов, с которыми Антон изредка сталкивался в метро.

– Меня зовут Макар Илюшин. – Парень протянул ему руку.

– Я – Сергей, Сергей Бабкин. Мы с вами уже познакомились, – кивнул мужик от кресла.

– Антон Липатов, – представился Антон и, помявшись, придвинул к себе чашку с кофе, покосившись на кружку Бабкина.

– Не обращайтесь внимания на его монстров, – усмехнулся Макар. – Рассказывайте, Антон. Если я правильно понял, у вас пропала подруга. Или жена?

– И не жена, и не подруга... – со вздохом ответил Антон. – Мы работаем с Викой в одной фирме. Я – в финансовом отделе, она – референт директора.

– Сколько ей лет? – спросил Бабкин.

– Двадцать шесть.

Антон сунул руку в карман пиджака и достал оттуда фотографию. Со снимка на Бабкина и Макара серьезно смотрела светловолосая

девушка с короткой стрижкой. Чуть выдающийся вперед волевой подбородок, маленький прямой нос, прищуренные карие глаза... «Не красавица, но хороша», – отметил мысленно Сергей. Он перевел взгляд на Липатова и про себя удивился, отчего этот лощеный клерк беспокоится о серьезной девушке с прищуренными глазами.

Посетитель ему не нравился. Липатову на вид было около тридцати – тридцати двух. Он был высок, строен, широкоплеч и представлял собой, по мнению Сергея, идеал мужчины восьмидесяти процентов женщин. Бабкин много видел таких вот молодых красивых парней, выросших из симпатичных мальчиков: имеющих свои машины и квартиры уже к двадцати пяти годам, быстро обретших теплое местечко в виде финансового отдела в небольшой нефтяной компании. Мальчики умели себя вести, будучи начисто лишеными такта, демонстрировали широкий кругозор, будучи совершенно необразованными, интересовались всем, будучи неинтересными сами. В комплекте с ними прилагались престижные виды спорта вроде тенниса или серфинга. Не золотая молодежь, конечно, но позолоченная. Местами.

– Расскажите, что случилось с девушкой, – попросил Макар.

– Вика... она уехала, – запнувшись, объяснил Липатов. – Нет, подождите, я не с того начал. Я уже сказал, что мы работаем в одной фирме. Общаемся, ходим вместе на обед... Три недели назад Вика примчалась совершенно счастливая, чуточку обалдевшая даже – я ее никогда такой не видел. Отозвала меня в сторону и рассказала, что выиграла путевку и завтра уезжает. Мол, с шефом уже договорилась, он дал ей отпуск на месяц. Осталось только вещи сложить – и вперед, к мечте.

– Какая фирма проводила розыгрыш? – поинтересовался Бабкин.

– Не знаю! – Липатов раздраженно стукнул кружкой об стол. – Я вообще ничего не знаю! Хорошо еще, что Вика поделилась со мной новостью – со мной одним из всей фирмы, кстати. Она же чертовски скрытная, никому ничего о себе не рассказывает. Казалось бы, общается со всеми, белой вороной в углу не сидит,

на буку не похожа – но попробуй при этом хоть что-нибудь из нее вытянуть! Нашим девчонкам она объяснила, что собирается отдохнуть от работы. О выигрыше и поездке – ни слова!

– Нетипично для женщин, – заметил Макар.

– Вика необычный человек в этом отношении, – поморщился Антон. – Я знаю, что у нее очень странная семья, и Вика мне объяснила, что старается ни с кем не делиться важной для нее информацией, потому что родные отучили ее от этого. Она их терпеть не может и, по-моему, не общается с родителями. И с сестрой. Так вот, в фирме только я в курсе, что Вика выиграла путевку. Но я не знаю всего остального.

– А зачем вам знать все остальное? – подал голос Сергей.

Липатов поднял на него уставший взгляд.

– Потому что я уверен на сто процентов, что ее выигрыш – полная лажа. Ее обманули, увезли куда-то – я понятия не имею, куда и кому это могло понадобиться. Она должна была вернуться неделю назад, и до того времени я мог хотя бы надеяться, что все будет нормально. Но она не приехала. Она пропала, понимаете? – сказал он. – И я хочу, чтобы вы ее нашли.

И неожиданно за костюмом, за ухоженностью, за теннисом и престижным вузом Бабкин увидел потерянного парня, изо всех сил пытающегося держаться независимо и уверенно, как он привык.

– Она ваш друг? – серьезно спросил Сергей без малейшей насмешки в голосе.

– Хуже, – выдавил улыбку Липатов. – Я ее люблю.

Он перевел взгляд на Макара и негромко попросил:

– Найдите ее. Прошу вас. Пожалуйста.

Спустя час Бабкин снова стоял у окна и смотрел на отъезжающую серебристую машину.

– Что ты думаешь по этому поводу? – Макар подошел к нему.

Сергей помолчал и с неохотой признался:

– Думаю, что мужику голову морочат. Нелепая какая-то история, согласишься?

– Согласен.

История и впрямь выглядела не то чтобы нелепо, но – неубедительно. Вика Стрежина устроилась в фирму, где работал Антон, два года назад. Поначалу ее взяли секретарем, но, убедившись в старательности и добросовестности девушки, постепенно повысили ее до референта шефа. По словам Липатова, Вика отличалась замкнутостью, но при этом обладала дружелюбным, спокойным и ровным характером.

– Она ни с кем не сошлась близко, кроме, пожалуй, меня, – рассказывал Антон. – Но, как ни странно, к ней все равно относились хорошо. Наверное, из-за того, что она абсолютно беззлобный человек. Хотя очень принципиальный.

Илюшин подумал, что беззлобность плохо сочетается с принципиальностью, но комментировать слова Липатова не стал. Ему важно было выслушать полный рассказ.

– Сколько я ее знаю, она всегда говорила о том, что терпеть не может Москву. – Липатов непроизвольно бросил взгляд за окно – туда, где в серое ноябрьское небо выростали краны, похожие на длинные шеи доисторических чудовищ. – Не сам город, а толпы людей. Они действуют на нее угнетающе. Вика мне признавалась, что ее мечта – это необитаемый остров. Настоящий необитаемый остров, где не было бы никого, кроме нее. В прошлом году она съездила отдохнуть в Грецию, на какой-то малонаселенный курорт, и потом жаловалась, что там оказалось очень много людей. Хотя на самом-то деле, – Липатов усмехнулся, – в жалкой деревушке, кроме нее, не было ни одного туриста, а местных, по-моему, всего две с половиной сотни человек. Но ей нужен был остров – необитаемый, мать его! – и не меньше. Вот она его и получила.

– В каком смысле? – не понял Макар.

Липатов помолчал, а затем коротко объяснил: путевка, которую выиграла Вика, давала ей возможность две недели жить

на необитаемом острове.

– Она шла в магазин, и в сквере ее остановили две девушки в таких... маскарадных костюмах. Предложили купить билет – якобы на него можно выиграть машину, посуду, еще какую-то ерунду, а главный приз – поездка на остров. Конечно, Вика согласилась! Отдала сто рублей, вытянула билетик, и ее обрадовали: мол, главный приз – ваш!

– Она сама вам это рассказала? – уточнил Сергей.

– Да, конечно. Кто же еще?

– И никаких подружек с ней не было? – спросил Макар. – Никто не может подтвердить ее рассказ?

– Нет, – покачал головой Антон. – Насколько мне известно – нет.

– Хорошо. Что было дальше?

Дальше к Стрежиной домой приехал представитель фирмы и привез путевку. Визу Вике предложили оформить либо самой, либо – за дополнительную оплату – через представителей фирмы. Стрежина выбрала второе и очень радовалась, когда визу оформили со сказочной быстротой.

– В какую страну она должна была ехать? – уточнил Илюшин.

– Я не знаю. – Антон не смотрел ни на него, ни на Бабкина. – Вика мне не сказала.

– Хорошо, а как назывался остров? – подключился Сергей.

– Да не знаю я! – повысил голос Липатов и провел рукой по лбу. – Простите, совсем нервы сдают. Вика ничего мне не рассказала. Точнее, она хотела вспомнить название острова, но не смогла. Рассмеялась и пошутила, что от счастья у нее совсем память отшибло.

– Может быть, хоть упомянула, в каком море будет купаться? – вежливо осведомился Илюшин. – Океане?

Липатов молча покачал головой. Сергей с Макаром переглянулись.

– Ладно, с этим – ясно, – мягко сказал Макар. – Вы не знаете, куда она уехала. А что случилось затем?

– Она не вернулась через две недели, – ответил Антон без выражения. – Я знал, что дата вылета – первое ноября, но Вика запретила провожать ее в аэропорт. Сказала, что я своим присутствием и брюзжанием испорчу ей сказку. Даже не призналась, из какого аэропорта вылетает. Я, в общем-то, привык к ее тяге к секретности, поэтому не особенно настаивал. Да если бы и настаивал... бесполезно. Она бы не сказала. Но я ждал, что через две недели она позвонит, а она не позвонила. И не прилетела.

– Что в связи с ее отсутствием предприняли на работе? – вслух подумал Бабкин.

– Ничего, – пожал плечами Липатов. – Она подписала отпуск на месяц. Обычно никого не отпускают на такой срок, но Вике повезло: во-первых, шеф был в подходящем настроении и хотел кого-нибудь осчастливить, во-вторых, секретарю взяли помощницу, и новую девочку сейчас нагружают работой Вики. Что они будут делать через неделю, я не знаю.

– Вы обращались в милицию?

– Не я. Обратился ее дядя – единственный человек из всей семьи, с кем она общается. Он любит Вику, беспокоится за нее. Может быть, вам знакома его фамилия – Каморкин: когда-то он был известным фотографом. Меня, честно говоря, очень удивило, что у него взяли заявление. Зная нашу милицию... Но ожидать от них каких-то действий, разумеется, бесполезно, потому я обратился к вам. Как мне рассказывали...

Макар перестал слушать Липатова. Он называл это «отстроиться», то есть перестать слышать собеседника, сосредоточиться на его мимике и жестах. Илюшин знал, что всю необходимую информацию запомнит Сергей, а ему важнее было другое – врет сидящий перед ним человек или нет.

Пару минут он размеренно кивал, думая о своем, внимательно наблюдая за лицом Антона. «Выключать звук» по собственному желанию он научился два года назад и с тех пор применял это постоянно, общаясь с новыми людьми. По истечении двух минут

Макар кивнул, словно в ответ на слова Антона, а в действительности самому себе и откинулся на спинку дивана. Антон Липатов говорил правду – с вероятностью девяносто процентов. Он действительно был очень озабочен судьбой девушки и, похоже, в самом деле не понимал, что происходит.

– Как ты думаешь, он подозревает, что его обманули? – спросил Бабкин, когда машина исчезла за домом.

– Нет, – покачал головой Макар. – Я за ним понаблюдал: по моему, он совершенно искренен.

– Мне тоже так показалось. Ладно, где девица-то?

Сергей протопал на кухню и вернулся с новой порцией крепкого сладкого чая. С удовольствием отхлебывая из кружки, он покосился на Макара, черкавшего что-то на листочке бумаги.

– Так где девица? – повторил он. – И что ты будешь клиенту сообщать?

– Что он не клиент, – отозвался Илюшин, складывая листочек пополам. – Я, конечно, проверю кое-что на всякий случай, но обсуждать здесь нечего.

Бабкин согласно кивнул. Обоим было понятно, что история с выигрышем путевки на необитаемый остров была придумана специально для влюбленного финансиста. «Вот только зачем? – размышлял Сергей. – Неужели просто так нельзя было парню отказать?»

– Макар, а почему она просто так ему не отказала? – вслух спросил он. – Обязательно нужно было выдумывать красивую историю? А потом, не могла же девочка не понимать, что рано или поздно ее начнут искать.

– Серега, ты мыслишь логично, – снисходительно объяснил Илюшин. – Точнее, пытаешься. А молодые двадцатилетние женщины совершенно не обременяют свои белокурые головки такими понятиями, как логика. Девочке хотелось развлечений, хотелось бросить надоевшую фирму. Может быть,

она состоятельного иностранца нашла на просторах Интернета! Вот и сочинила сказочную историю, не задумываясь о последствиях. А может, мечтала оставить после себя красивую легенду: улетела на необитаемый остров и не вернулась.

– Как ты объяснишь Липатову свой отказ работать с ним?

– Пока не знаю, – пожал плечами Макар. – Он завтра позвонит, тогда и придумаю что-нибудь.

Бабкин одним глотком допил обжигающий сладкий чай и поставил кружку на подоконник.

– А ты не допускаешь, что история и в самом деле правдивая? Девочка действительно что-то выиграла, куда-то улетела, по природной скрытности никому ничего не сказала и в конце концов пропала. К примеру, попала в темном переулке в лапы сицилийской мафии – и поминай как звали Викторию Стрежину.

Илюшин отрицательно покачал головой:

– Во-первых, ситуация с розыгрышем счастливого билетика на улице – выдумка чистой воды. Подобные акции проводятся не так уж часто, и в них обычно разыгрывают не счастливый билетик за сто рублей, а телевизор или пылесос. В крайнем случае – бутылку минералки, но тогда уж и реклама будет везде, где только можно. Во-вторых, никакой агент не привезет путевку тебе домой – придется ехать за ней в офис. В-третьих, необъяснима скрытность девушки: зачем запрещать влюбленному коллеге провожать ее в аэропорт под надуманным предлогом? Липатов не урод – наоборот, хорош собой – и вряд ли настолько достал девицу, чтобы она отказалась от бесплатного носильщика в его лице. В принципе, мы с тобой можем поговорить с коллегами Стрежиной. Я уверен, что в результате всплывет какой-нибудь давний роман. Вероятнее всего, она уехала, скажем, в Петербург к любимому и радуется там жизни, потому и отпуск взяла на целый месяц.

– И, как обычно, все коллеги в курсе, кроме героя романа, – хмыкнул Бабкин.

– Примерно так, – согласился Макар. – Только Липатов, получается, второстепенный герой. Но раскрывать ему глаза за его же деньги я считаю неправильным. Согласен?

– Согласен.

Сергей с сожалением посмотрел на дно чашки, где поблескивал растаявший сахар, и отправился на кухню – за ложечкой.

Песок, на котором она стояла, был не желтым, а молочно-белым. Мелким и твердым, как манная крупа. Она присела на корточки, захватила горсть песка и смотрела, как он медленными теплыми струйками сыплется между пальцев. Ветер тут же подхватывал и уносил их. По песку пробежало насекомое, похожее на комара, разучившегося летать, – длинноногое, с зачатками тонких крыльев на спинке. Девушка отдернула ногу и долго не сводила глаз с существа, проворно переваливающегося через миниатюрные рельефные барханы, оставленные набежавшими волнами. В конце концов оно исчезло за очередным барханом.

Девушка отряхнула руки от песка и перевела взгляд на волны.

Бесконечность. Синяя, зеленая, золотая бесконечность – вот что было перед ней. Волны шумели, набегали на песок и покорно откатывались обратно. Поверхность воды искрилась, так что глазам было больно смотреть на нее, но девушка не отводила взгляд, пока не потекли слезы. Вытерев их тыльной стороной ладони, она поднялась и сделала несколько шагов навстречу бесконечности.

Ветер радостно ударил ей в лицо солеными брызгами, на босые ноги с тихим шуршанием накатила очередная волна, принеся с собой крошечные белые обломки ракушек. Вокруг ее ног образовались пузырьки воздуха, и вода закружилась в прозрачном водовороте.

Прищурившись, девушка вгляделась в линию горизонта. Линия дрожала, ломалась и казалась живой – как и все вокруг нее.

– Вы не живые. Вы – мертвые, – громко сказала она вслух. – Только я живая.

Сзади укоризненно зашелестели пальмы, и девушка обернулась.

– Ветер усиливается, – сообщила она. – Я это и без вас вижу.

Пристально всматриваясь в дно под ногами, вернулась на берег и пошла в ту сторону, где исчезло насекомое с крылышками на спине. Ветер и впрямь стал сильнее – теперь брызги долетали до нее, хотя она шла в нескольких метрах от воды. Время от времени девушка машинально стирала со щеки соленые капли и, морщась, слизывала их с пальцев.

Через десять минут она остановилась. Солнце поднималось все выше, и девушка ощущала, как ей печет затылок. Нужно было уходить в тень пальм, но она постояла еще немного на берегу, изучая пейзаж, ничем не отличающийся от того, который видела десять минут назад.

Внизу было синее и зеленое, вверху – только синее. Ее любимый цвет. Глубокий, невероятно насыщенный синий всех оттенков, от голубого до густого фиолетового. Она всегда думала, что самый прекрасный цвет на земле – синий.

– Отпусти меня, – попросила она, сглотнув.

Тишина.

Ноги подогнулись, и девушка беспомощно опустилась на песок.

– Отпусти меня! – выкрикнула она.

Вокруг стояла тишина, потому что в этом месте шум деревьев, волн и ветра был тишиной для нее.

– Отпусти-и-и-и!

Она завывала, упала навзничь и закрыла глаза, чтобы только не видеть синевы вокруг – бесконечно прекрасной, безмолвной, вечной синевы, которой не было никакого дела до катающегося по песку человеческого существа, исторгающего невнятные звериные крики.

Длинноногое насекомое, отдаленно похожее на комара, выглянуло из-за песчаного бугорка и припустилось прочь от опасного места.

Глава 2

Сумму, переведенную на свой счет, Илюшин обнаружил случайно, поскольку не имел обыкновения проверять счет ежедневно. В первую секунду он удивился, потом – рассердился, а затем набрал номер Бабкина.

– Серега, привет. Хочешь новость?

В восемь утра Бабкин новостей не хотел, тем более что по тону Макара было очевидно: новость не из приятных. Но деваться было некуда.

– Господин Липатов положил на наш счет деньги... – И Макар озвучил Бабкину число, выведенное на экран.

– Откуда у него номер счета? – не понял Бабкин, собираясь с мыслями. – И почему так много перевел?

– Наверняка оттуда же, откуда и выход на нас. Что касается суммы, то вопрос не ко мне. Надо сообщить товарищу, что он погорячился и заниматься его делом мы не будем.

– Вот ты и сообщи, – предложил Бабкин, быстро сообразивший, к чему клонит напарник. – В конце концов, кто из нас двоих дипломатичен и хорошо воспитан? Записывай номер...

Мобильный Липатова отозвался сообщением о недоступности абонента. Макар покрутил в пальцах телефон, похмыкал и выключил компьютер. Затем снова перезвонил Сергею.

– Не отвечает твой Липатов, – сообщил он, раздражаясь с каждой минутой все больше и злясь на себя за свое раздражение. – Давай рабочий телефон.

– А ты не нервничай, – зевнул Бабкин в трубку. – Рабочего у меня нет. Да он сам тебе перезвонит, не суетись. Начнет интересоваться, как ты ведешь расследование, давать советы...

– Серега, мне не нравится ситуация, когда клиент пытается вынудить нас с тобой заняться его делом столь беспардонным способом. Вчера мне показалось, что Липатов вполне вменяемый

субъект, но, судя по его поступку, я ошибся. И больше всего мне хочется послать его как можно дальше. Желательно при личной встрече.

Бабкин сел в кровати, окончательно проснувшись. Плохи дела бедняги Липатова, если уравновешенный Макар и впрямь вышел из себя. Впрочем, клиент сам напросился.

– Он говорил, что офис их фирмы где-то на Волхонке, – припомнил Сергей. – Точно, там!

– Все, я и сам вспомнил. – Макар хлопнул ладонью по столу и положил трубку, не прощаясь.

«Мелкий и глупый манипулятор, – размышлял он, пока ехал в метро. – Всех меряет на свой аршин, а значит, деньги оказывают на него магическое действие. Представил, что он сам не смог бы отказаться от такой суммы, и решил, что и я не смогу. Наглец без выдумки».

Обозвав Липатова наглецом, Илюшин покачал головой. Человек, с которым он разговаривал накануне, произвел на него совершенно иное впечатление. «Что-то здесь не так. Правильно я сделал, что поехал, а не стал дозваниваться».

Через сорок минут он входил в неброский серый особняк, закрытый от дороги старыми мокрыми кленами.

– Вы к кому? – вежливо осведомился пожилой охранник.

– К Липатову, Антону Липатову, – ответил Макар и уже собрался достать паспорт, как вдруг пробежавшая по вестибюлю высокая темноволосая девушка в строгом брючном костюме резко остановилась около него и странным, каким-то зажатым голосом спросила:

– К Антону? Вы к Антоше?

Макар недоуменно взглянул на девушку и сразу понял, что дело плохо. Лицо у девушки было бледное, глаза покраснели от слез.

– К Антону, – подтвердил он, уже догадываясь, что сейчас услышит.

Девушка переглянулась с охранником и, сглотнув, проговорила:

– Антона... его нет.

Лицо ее исказилось, но она сдержалась и не расплакалась.

«Его нет, – повторил про себя Макар. – Все понятно. Интересно, на сколько я опоздал?»

– Когда он умер? – вздохнув, спросил он.

Девушка обернулась к нему так резко, что Илюшин отшатнулся; лицо ее побледнело.

– В-вы... Вы что? Нет! – Она отчаянно замотала головой, словно отгоняя саму мысль о возможности смерти Липатова. – Нет-нет, вы меня не так поняли! Он жив! Просто... просто в больнице... В очень тяжелом состоянии. Нам позвонили утром... – Она махнула рукой и отвернулась.

– Утром, – сочувственно повторил охранник. – Сбило его машиной, когда он к гаражу подходил. Сволочь какая-то сбила и уехала, даже «скорую» не вызвала. Ищи теперь эту гниду по всей Москве! Черт возьми, ну вот как так можно, а?! Ладно – водила дурак, права купил. Ладно – разогнался во дворе. Ну, человека сбил. Так остановись, выйди, помоги чем можешь! Так ведь нет, оставил лежать. Пока собачник его не нашел... Все бы обошлось, наверное, но там железный столбик...

– Он не приходил в сознание. Нам сказали, что у него черепно-мозговая травма, – хрипло проговорила девушка. – Господи, Антошка...

Она не выдержала и заплакала, уткнувшись лицом в ладони. Макар постоял пару секунд, глядя, как ее успокаивает охранник, затем повернулся и пошел к выходу. День, начавшийся из рук вон плохо, набирал обороты.

Выйдя на улицу, он остановился возле мокрой скамейки под старой липой, но сесть не решился. Начал накрапывать мелкий противный дождик, и Макар, ежась, встал под дерево, обдумывая, что теперь делать.

Итак, после разговора с ними Антон Липатов перевел на их счет сумму, которую считал достаточной для оплаты услуг детективов.

На самом деле сумма была в полтора раза больше той, что запросил бы Илюшин, если бы согласился взяться за поиски девушки, но Липатов, вероятнее всего, об этом не догадывался. «Не собирался он нас впечатлять, – запоздало понял Макар. – Он решил по итогам разговора, что мы согласны искать его подругу, вот и поторопился перевести деньги. Сколько мы берем, он не знал, наверняка хотел уточнить сегодня. Да, господин Липатов, переоценили вы наши аппетиты».

Самым правильным решением Илюшину представлялось вернуть деньги Липатову. «Или его родственникам, потому что вовсе не обязательно, что господин Липатов останется в живых после того, как его сбила машина», – рассудительно сказал себе Макар. С другой стороны, перспективу быстро отыскать Викторию Стрежину и получить за это приличный гонорар, фактически уже лежавший в кармане, стоило обдумать со всех сторон. «Не знаешь, что делать, – ничего не делай, – сказал себе Макар, поднял воротник куртки и нахохлился под липой. – Пять минут. Посмотрим, что произойдет в ближайшие пять минут».

Через четыре минуты дождь полил сильнее, и на голову Илюшину посыпались капли. Расценив это как намек провидения на то, что в метро ему будет куда уютнее и суше, Макар вышел из-под дерева и сделал два шага в сторону станции.

– Простите! – догнал его голос сзади. – Подождите, пожалуйста!

Илюшин обернулся. К нему подходила красивая темноволосая девушка, с которой он разговаривал десять минут назад.

– Мне очень неловко... – запыхавшись, проговорила она. – Вы ведь пришли к Антону, а я даже не спросила, зачем, – до того расстроилась. Может быть, другой сотрудник нашей фирмы сможет вам помочь? К тому же дождь начинается... – прибавила она неизвестно зачем.

Макар задумчиво смотрел на девушку. У него еще оставался шанс, что все-таки провидение уготовило ему на ближайшие полчаса тихо сидеть в вагоне метро, незаметно рассматривая пассажиров.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Лена, – чуть растерянно ответила девушка. – Лена Красько.

– Лена, скажите, пожалуйста, вы хорошо знаете Викторию Стрежину?

Девушка изменилась в лице.

– Господи, только не говорите, что с ней тоже что-то случилось! – взмолилась она. – Вика – моя подруга!

Призрак зеленого вагона промелькнул перед Макаром и растаял вместе с пассажирами, которых он собирался рассматривать. Тихо вздохнув, Илюшин решился, стараясь не думать, как он будет объяснять свой поступок напарнику.

– Меня зовут Макар Илюшин, – сказал он. – Я – частный детектив. Мы можем с вами поговорить, Лена? Я все объясню.

Последний мокрый лист сорвался с ветки и шмякнулся Илюшину за шиворот.

Идя по коридору следом за своей провожатой, Макар успел заметить и растерянные лица сотрудников фирмы, и солидную обстановку кабинетов... Девушка открыла дверь, приложив к ней магнитный ключ, и Илюшин вошел внутрь.

– У нас сейчас бардак, – объяснила Лена, кивнув на свалку бумаг и пластиковых файлов на столе перед монитором. – Из-за происшествия с Антоном все немного не в себе. Девочка, которая работает со мной, бросила дела и убежала – кажется, до сих пор плачет в туалете. Очень... очень дико все. Просто невозможно поверить. Он в реанимации, и хоть никто ничего не говорит вслух, но все боятся худшего.

– Его любят? – Макар задал первый пришедший на ум вопрос.

– Да, – не задумываясь, ответила Красько. – Особенно девушки. – Она чуть покраснела.

Илюшин понимающе кивнул. Он в этом и не сомневался.

– А Вику? Как к ней относятся ваши коллеги?

– Сдержанно, но с уважением.

Лена провела рукой по глазам, вздохнула.

– Простите, как вы сказали, вас зовут? Макар? Макар, что с ней случилось? Я была так рада за Вику, когда она рассказала про поездку...

– Стоп! Значит, вам она тоже сообщила о выигрыше? – перебил ее Илюшин.

– Ну конечно, – удивленно взглянула на него девушка. – Как же можно такой новостью не поделиться! Правда, остальным просила не говорить, я и не стала. А почему вы удивились?

«Хорошо еще, что Вика поделилась со мной одним из всей фирмы, – вспомнил Макар слова Липатова. – Девчонкам объяснила, что собирается отдохнуть от работы». Получалось, что Антон либо ошибался насчет скрытности Вики Стрежиной, либо не сказал правды.

Лена Красько повторила Макару то, что он уже слышал от Липатова: Вика столкнулась на улице с представителями фирмы, проводившей какой-то розыгрыш, купила билетик и выиграла главный приз. Лена не помнила названия фирмы, да и не была уверена, что Вика называла его.

– Она всегда играет в лотерею, – грустно улыбаясь, рассказывала девушка. – Просто у Вики это пунктик. Мне кажется, она таким образом изживает семейные традиции.

– Какие традиции? – заинтересовался Макар.

– Понимаете, Вику воспитывали в убеждении, что все блага достаются только долгим и тяжким трудом. Ее родители считают, что других вариантов быть не может. – Девушка поморщилась, и Илюшин понял, что Лена Красько не очень высокого мнения о родителях подруги. – Все, что выбивается из их представлений о жизни, они даже не хотят принимать во внимание. А Вика с восемнадцати лет живет самостоятельно, доказывает родителям, что все не так, как они проповедуют. И постоянно покупает лотерейные билеты – надеется выиграть кучу денег. Тогда, как она

считает, ее родители увидят, что были не правы. В общем, вечный спор родителей и детей, – философски закончила она.

– Вас не удивляет, что подруга вам ни разу не позвонила за время отпуска? – задал Макар провокационный вопрос, внимательно наблюдая за реакцией девушки.

– Нет, – покачала та головой, не задумавшись ни на секунду. – У Вики своеобразный характер, я к нему привыкла.

«Пустышка, – понял Макар. – Если Стрежина и радуется сейчас жизни с кавалером, как предполагали мы с Серегой, то Красько ничего об этом не знает. Все, начинаем работать серьезно».

Он чуть подумал, наклонился к Лене и доверительно попросил, глядя ей в глаза:

– Расскажите мне, пожалуйста, подробнее о вашей подруге. Наверняка найдется мало людей, которые знают ее так же хорошо, как и вы.

– Что ты ей наплел? – мрачно буркнул Бабкин, расхаживая по комнате.

– Сказал правду, – флегматично пожал плечами Макар. – Объяснил, что, возможно, ее подруга пропала, а раз Липатов просил нас ее разыскать, мы считаем делом чести выполнить его просьбу. «Возможно, предсмертную», – добавил он про себя.

– Не исключено, что предсмертную! – зло бросил Сергей. – Не нравится мне это.

Макар промолчал. Он прекрасно понимал, почему сердится напарник, и отчасти разделял его недовольство. Дело начиналось неправильно – да что там «начиналось», оно уже началось. Их клиент лежал в реанимационном отделении больницы, и приехавшему туда Макару, не церемонясь, сообщили, что он может уезжать обратно, поскольку Антон Липатов хоть и пришел в сознание, но беспокоить его нельзя. Илюшин попытался обаять персонал, но ему в резкой форме предложили не отвлекать людей от работы, и он вынужден был подчиниться.

Итак, у них фактически не было клиента, у них не было версий, у них не было ничего, с чем они привыкли работать, – только деньги на счете и неправдоподобная история.

– Значит, Липатова сбила машина и скрылась, – рассуждал вслух Бабкин, продолжая мерить шагами кухню в своей квартире.

Кухня была небольшая, поэтому Сергей за два шага доходил до окна, разворачивался и за те же два шага преодолевал расстояние до диванчика, на котором сидел Макар.

– Слушай, ты вносишь сумбур в мой незаурядный мозг, – пожаловался тот. – Сядь на стульчик, не шарахайся из угла в угол.

Стульчики Бабкин на дух не переносил, точно так же, как и они его. Стульчики под ним ломались, трескались, хрустели спинками и продавливались. Поэтому Сергей привычно опустился на маленький зеленый коврик под окном и привалился к стене, скептически окинув взглядом худого белобрысого Макара. «Задело его, что клиента чуть не убили! – фыркнул он про себя. – “Деньги мы не можем вернуть!” Все мы можем, просто не хотим».

– Итак, машина... – задумчиво продолжил он. – Значит, сегодня я отправляюсь опрашивать жильцов. Понятно, что опера их уже опросили, но все-таки чем черт не шутит! Заодно неплохо было бы связаться с опергруппой на предмет следов от шин. Какая, говоришь, улица? Нужно выяснить, кто дежурил в то утро.

– Разумно. Параллельно будем копать со стороны самой Стрежиной. Много времени на обход дома у тебя не уйдет, так что тебе достанутся еще кое-какие симпатичные личности, имеющие отношение к нашей девице. Мне о них много интересного рассказала ее подруга, Красько.

– Выкладывай, – предложил Сергей. – Давай-давай, не зря же ты два часа штаны протирал в офисе Липатова.

Макар пропустил «штаны» мимо ушей и начал рассказывать.

В топливно-энергетической компании «Юго-запад» в первые полгода к Вике относились настороженно – она была чужаком, сотрудником, пришедшим без всяких рекомендаций. В традициях же

«Юго-запада» было набирать людей по знакомству, а еще лучше – объединенных родственными связями с кем-нибудь из уже работающих в фирме. Истоки такого подхода Илюшин видел в том, что возглавлял компанию Аслан Коцба, абхазец по национальности, окруживший себя близкими людьми: заместителем Коцбы работал его двоюродный брат, исполнительным директором – муж сестры Аслана. Во время беседы с Красько Илюшин ненавязчиво выяснил, что сама Лена была замужем за одним из многочисленных родственников гендиректора. «Почти все наши девочки пришли сюда, потому что они чьи-то родственницы, – честно рассказала Красько. – Здесь так принято, понимаете?»

Но Вика Стрежина нарушила традицию, и причиной тому стал, как ни странно, сам Аслан Коцба. Предыдущих трех «правильных» секретарей, обладавших всеми нужными связями, он уволил с шумом и грохотом, поскольку имел привычку в ярости швырять в стену своего кабинета бутылки с минералкой. Зная об этой особенности Аслана, референты постоянно обновляли минералку на его столе, справедливо опасаясь, что тот, не найдя привычной бутылки, может запустить чем-нибудь другим, куда менее легким. Например, пресс-папье из оникса. И не в стену, а в провинившегося сотрудника. Швыряние бутылок тоже было обычаем, и идти против него никто не рисковал. Секретарши одна за другой вылетали из дверей серого особняка «Юго-запада», поскольку умение грамотно составлять документы, как оказалось, находилось в обратно пропорциональной зависимости от степени родства с работниками фирмы. Первая секретарша была племянницей главбуха. На третий день работы она отправила электронное письмо начальнице юридического отдела фирмы, с которой «Юго-запад» вел важные переговоры, перепутав буквы «Ю» и «Б», расположенные на клавиатуре по соседству. Демократичное обращение «Юля» в редакции секретарши превратилось в нечто совершенно неприличное, и разъяренный Коцба уволил ее в тот же день,

не пожелав оценить смешную сторону происшествия. Заодно попало и главбуху.

Вторая девочка, приходившаяся дальней родственницей начальнику аналитического отдела, от усердия ставила запятые после каждого слова, боясь не угодить шефу. Кроме того, напуганная историей своей предшественницы, она по десять раз проверяла и перепроверяла письма, тратя уйму времени. Такая старательность быстро стала раздражать Аслана, и секретаршу уволили, хотя и без швыряния бутылок в стену.

Третья секретарша была грамотной – может быть, потому, что в «Юго-западе» трудился программистом всего лишь ее троюродный брат. Она работала быстро, старательно, делая минимум ошибок в тексте. Но небольшой поселок Мусохранск, куда девушка отправляла электронную почту для друга детства Коцбы, подкосил и ее.

До того, как Аслан приказал секретарше отправить письмо, девушка не знала о существовании поселка с таким названием и потому сделала ошибку, напрашивающуюся само собой. Когда Аслану Коцбе пришло возмущенное письмо, в котором обиженный мусохранец требовал не называть его мухосранцем, шеф не стал долго вникать в проблему, и офис в очередной раз остался без секретаря.

После этого наступило затишье. Никто из сотрудников не рисковал предлагать своих родственниц на место «той-самой-которая-обидела-мусохранцев». В конце концов Аслан, скрипя зубами, дал «добро» на обращение в рекрутинговое агентство. Первой, кого прислали из агентства, оказалась Виктория Сергеевна Стрежина.

Вика была сдержанна, перед начальством не лебезила, с коллегами общалась ровно и дружелюбно. Первые три месяца все с замиранием сердца ожидали, какой фортель выкинет новая секретарша, но время шло, а Стрежина работала без промашек. Сначала ей удивлялись, потом постепенно зауважали, хотя настороженность по отношению к девушке до конца не исчезла.

Но когда Коцба назначил ее референтом, никто не удивился: Вика лучше остальных подходила на эту должность.

– За что ее уважают? – спросил Макар в разговоре с Леной. – Вы не сообщили ничего необычного. Исполнительная девушка, по моему, не такая уж и редкость.

– Ее уважали не за исполнительность, – объяснила Красько, не замечая, что переходит на прошлое время. – Знаете, как бывает: видишь ты человека и понимаешь, что он – хороший, порядочный. Вот и с Викой так же. Сразу было ясно, что она порядочный человек. Даже не порядочный, нет, – правильный! Вот, я нашла точное слово. Наша Вика – очень правильная. И еще очень правдивая.

Илюшин искренне считал, что правильные и одновременно правдивые люди невыносимы для окружающих. Но Вика Стрежина, судя по описанию ее подруги, таковой не была. За два года работы в «Юго-западе» она испортила отношения лишь с одним человеком, и в результате тому пришлось уволиться. Уволившуюся даму звали Юлия Борисовна Осьмина.

Юлия Борисовна, ухоженная худощавая дама среднего возраста, возглавляла кадровый отдел. Она носила длинные черные платья с яркими шифоновыми косынками, повязанными вокруг шеи, и считалась красавицей. В любом споре последнее слово всегда оставалось за Юлией Борисовной – не потому, что оно было самым веским, а потому, что Осьмина так сумела себя поставить, что ее слово казалось веским. Мода, политика, новинки литературы – во всем она разбиралась и по любому поводу имела свое мнение. Осьмина тесно общалась с двумя дамами из аналитического отдела, и вместе они были влиятельной силой, с которой все считались. На Вику Стрежину Осьмина не обращала никакого внимания, поскольку двадцатипятилетняя секретарша, даже достигнувшая должности референта при шефе, никак не могла входить в круг ее, Юлии Борисовны, интересов.

Но однажды, рассказывая во время обеда за общим столом о своей любимой кошке, Осьмина обронила, что кошка недавно

окотилась.

– Я так устала от ее темперамента, – пожаловалась Юлия Борисовна внимательной аудитории. – Поддай негодяйке кота, и все тут.

– А... если стерилизовать? – робко спросила одна девушка. – Или не поможет?

– Я не знаю, поможет или нет, – отчеканила Юлия Борисовна, – но подобную операцию считаю недопустимым зверством. Я свою кошку люблю и издеваться над ней никому не позволю. И, представьте себе, я готова идти на определенные жертвы!

Она метнула яростный взгляд в сторону вопрошавшей, и вокруг согласно закивали. Да, все готовы были идти на определенные жертвы ради своих любимых.

– А кому вы раздали котят? – спросила Вика, отвлекая внимание Осьминой на себя. – И сколько их было?

– Кажется, семь или восемь, – вздохнула та. – Они беспородные, никому не нужны, к сожалению. Я их всегда топлю.

За столом наступила тишина.

– Простите? – не поняла Вика.

– Я их топлю, – пожала плечами Юлия Борисовна. – Не выкидывать же их на улицу! Топить куда гуманнее.

– В чем... в чем вы их топите? – тихо спросила Стрежина, единственная из всех присутствующих не знавшая о гуманной привычке начальницы кадрового отдела.

– В ведре, – сообщила та, начиная раздражаться. – В зеленом пластиковом ведре. А что, по-вашему, я должна с ними делать? Идти торговать в переход? Или, может быть, подбрасывать их соседям? Собакам отдавать на съедение? Я выбрала самый приемлемый способ, и, пожалуйста, не надо сентиментальничать. Я этого не переносу.

В интонациях Осьминой проскользнула брезгливость. Боже мой, до чего трепетны и глупы современные девушки! Наши бабки топили ненужный кошачий приплод по три раза за полгода, если

на то пошло. А девица как услышала про котят, так сразу побледнела и сейчас, похоже, пустит слезу.

Юлия Борисовна закатила глаза, предлагая коллегам разделить ее скептицизм по поводу трепетности Стрежиной.

Но Вика не пустила слезу и не стала сентиментальничать. В несколько неловкой тишине, прерываемой только позвякиванием вилки, которой Юлия Борисовна расправлялась с рыбой, она сказала негромко и чуть удивленно:

– Какая вы, оказывается, дрянь...

Если бы в ее интонациях проскользнула хоть тень, хоть намек на пафос или праведное возмущение, Осьмина съела бы мерзавку с потрохами. И присутствовавшие за столом дамы приняли бы деятельное участие в обглаживании костей. Но Вика произнесла свою фразу так, что ничего, кроме искреннего недоумения, не слышно было в ней. Жила себе девушка Виктория Стрежина, общалась с начальницей кадрового отдела, спрашивала по утрам, как дела, и восхищалась тропической расцветкой ее очередного платка. И вдруг выяснила в один прекрасный день за обедом, что Юлия Борисовна – дрянь. И сама удивилась своему открытию.

В гробовом молчании Вика встала из-за стола, отнесла недоеденное рагу на ленту и вышла из столовой. Дамы остались сидеть, не глядя на Осьмину. Юлия Борисовна густо покраснела от возмущения, затем обвела взглядом собравшихся, словно хотела объявить что-то важное, и даже открыла рот, но в эту секунду следом за Викой встала та девушка, которая спрашивала о стерилизации.

– Катя, я в кабинете, – обратилась она к коллеге. – Пойду, пожалуй, – и виновато пожала плечами.

Обед был испорчен. Осьмина объявила во всеуслышание, что Стрежина не умеет вести себя, но никто ее не поддержал.

– И знаете, Макар, что-то случилось после Викиных слов, – рассказывала Лена Красько, вспоминая случай двухлетней давности. – Вика больше ни с кем не обсуждала Юлию Борисовну, не касалась вообще этой темы... Она не любительница сплетничать.

Но я хорошо помню, что у нас, сидевших за столом, после ее фразы словно глаза открылись. Как будто бы мы на секунду взглянули на Осьмину не своими глазами, а Викиными. До этого нам что-то мешало смотреть на нее беспристрастно. Вот мне, честно говоря, мешала всеобщая убежденность в том, что Юлия Борисовна – прекрасный человек. А Кате Крониной, как она позже сама мне призналась, мешала импозантность Осьминой. Но Вика произнесла свою фразу, и мне показалось, что я вдруг увидела Юлию Борисовну очень ясно, без всяких помех вроде общественного мнения и ее умения одеваться.

– Которое, казалось бы, и вовсе ни при чем, – задумчиво заметил Макар.

– Ни при чем, – согласилась Лена. – Но кто-то за умением одеваться не может увидеть характер человека. Одевается хорошо – хороший человек, одевается плохо – значит, плохой. Скажете, так не бывает?

– А что же Осьмина? – спросил Макар, не поддержав тему о «бывает – не бывает».

– Она поначалу не понимала, что случилось. С ней постепенно стали все меньше общаться. И те дамы, с которыми она раньше водила дружбу, тоже. Юлия Борисовна попыталась устроить Вике пару скандалов, но у нее ничего не вышло.

– Почему?

– Вика не поддавалась на провокации. И знаете, почему еще...

* * *

Юлии Борисовне хотелось кричать, хотелось устроить такую склоку, после которой Стрежина рыдала бы и вешалась в туалете на пятом этаже, где всегда приятно пахло освежителем с запахом дыни. Юлии Борисовне хотелось швырнуть в лицо пакостной девчонке грубые бранные слова, от которых та покрылась бы

красными пятнами и заплакала от стыда. Ей хотелось собрать побольше гадких интимных подробностей и выстрелить ими побольнее в присутствии мужчин их фирмы. Последнее оружие всегда срабатывало безотказно – Осьмина им пару раз пользовалась.

Но сейчас она этого сделать не могла. Распалившись до такого состояния, что хотелось провести по стене ногтями с прекрасным французским маникюром, с хрустом раздирая бумажные обои, Юлия Борисовна выскакивала в курилку, где стояла за компанию с коллегами Стрежина. И останавливалась, словно наткнувшись на стену.

Вика останавливала Осьмину так легко, что никто и не понимал, что происходит, и меньше всего – сама Юлия Борисовна. Она только осознавала, что от холодноватого недоумения в глазах секретарши вся ее ярость вместо того, чтобы взорваться фейерверком, сжимается в черный шарик, издает тихий звон, как при столкновении со стеклом, и застывает. «Дзинь!» – слышала она и не могла начать кричать, хотя две минуты назад готова была на ор, скандал, склоку – да на что угодно, лишь бы вывести Стрежину из себя и добиться, чтобы девицу выкинули из фирмы. Но проклятое удивление в глазах той действовало на Юлию Борисовну как холодный душ. Она теряла всю свою уверенность, сдувалась, как шарик, и лишь черный комок оставался внутри – держа форму, не давая ей обмякнуть совсем.

Юлия Борисовна не любила копаться в самой себе, считая себя человеком практически безупречным. Неприятные воспоминания, связанные с собственными поражениями, она рассовывала по закоулочкам памяти так глубоко, что до них непросто было добраться. Однако в конце концов одно воспоминание все же всплыло, как ни старалась отмахнуться от него Осьмина.

Когда ей было четырнадцать лет, у девчонок в классе появилось новое увлечение. Сбившись на перемене в хихикающую кучку, они выбирали себе жертву из проходивших мимо школьников,

как правило, симпатичных, и начинали в спину ей негромко говорить гадости, с таким прицелом, чтобы жертва непременно догадалась, что речь идет именно о ней. Развлечение, на первый взгляд простое, требовало наблюдательности, быстрой реакции и острого языка. Обычные оскорбления не подходили – это было бы слишком примитивно. На долгое поливание грязью не хватало времени – следовало уложиться в полминуты. К тому же приходилось осторожничать, поскольку от многих старшеклассников можно было и получить за такие игры, а потому девочки выбирали преимущественно школьников из параллельных классов, о которых заведомо было известно, что они не полезут в драку и не станут ябедничать учителям.

Новое развлечение быстро стало популярным, и особенно оно нравилось Юле Осьминой. Она обладала способностью с одного взгляда вычислять физические недостатки жертв и подавать их так, что они обращали на себя всеобщее внимание. Наградой для проницательной Юли служили смущение или ярость высмеянных, которыми, как правило, становились красивые робкие девочки.

Но как-то раз, готовясь упражняться на перемене в острословии, Юля изменила привычный сценарий и выбрала в качестве жертвы высокого темноволосого мальчика с бледным лицом, очень худого. Раньше она его в школе не видела.

– О, новичок! – азартно зашептались девчонки. – Щас Юлька его разделает!

Мальчишка только подходил к ним, а Осьмина уже знала, что бросит ему вслед. Когда жертва прошла мимо, Юля сказала, словно невзначай:

– Жертва Освенцима, девочки. Интересно, он до кабинета-то дойдет или в коридоре свалится?

Замечание оказалось убийственно точным – вокруг поднялось хихиканье, быстро переросшее в злой смех. Мальчишка резко обернулся и уставился на Осьмину. Лицо его было непроницаемым,

и только скулы слегка покраснели. Осьмина с вызовом встретила его взгляд, но парень смотрел странно – не оскорбленно, а чуть удивленно, словно до этого момента он думал о Юле хорошо, а она не оправдала его ожиданий.

– Че встал, дурачок? – громко спросила самая нахальная из девчонок, Танька Сычева.

Парень не обратил на нее внимания, по-прежнему не сводя удивленного взгляда с Осьминой. Глаза у него были карие, опущенные длинными густыми ресницами, и Юле пришло в голову, что ни у одной девчонки в их классе нет таких красивых ресниц. Потом он улыбнулся – чуть-чуть, одними только краешками губ, и улыбка его показалась Осьминой снисходительной.

– Пошел к черту! – неожиданно выкрикнула она, покраснела и быстрыми шагами ушла в класс. Ей надоела дурацкая игра.

Девчонки, обрадованные переменой ролей, дали волю языкам и от души произдевались над Юлькой. Она сама подлила масла в огонь, показав, как болезненны для нее их насмешки. Мальчик с густыми ресницами не выходил у нее из головы до самого вечера, а воспоминание об удивлении в его глазах заставляло ее передергиваться. К утру следующего дня у Юли были заготовлены ядовитые реплики, которыми она собиралась компенсировать странное вчерашнее поражение – а в том, что она потерпела именно поражение, никто не сомневался, – однако использовать их ей не удалось. Парня больше не видели в школе. Кто-то из младших школьников сказал, что мальчишка у них не учится, а приходил за своей сестрой. Поражение Осьминой осталось поражением.

В классе не забыли о случившемся, и Юле долго пришлось терпеть едкие насмешки от девчонок, считавших, что она втюрилась с первого взгляда в красивого темноволосого мальчика. Она постаралась выкинуть воспоминание из головы – несмотря на кажущуюся незначительность, оно было для нее одним из самых тягостных за все школьные годы.

Но даже после того, как Юлия Борисовна осознала, что взгляд Вики Стрежиной напоминает ей тот давний случай, она не смогла избавиться от мерзкого чувства поражения. В курилке бросали короткие взгляды на Осьмину и продолжали говорить о своем, хотя до инцидента в столовой при появлении Юлии принялись бы забрасывать ее вопросами и советоваться с ней. А теперь... ее просто игнорировали!

* * *

– Ее игнорировали, – закончила Лена. – К ней стали относиться по-другому. Она больше не была авторитетной дамой. Я вам даже больше скажу, Макар, ее начали сторониться! Вы можете себе представить?

– И все только из-за вашей подруги? – усомнился Макар.

– Вы зря не верите. Вика обладает способностью внушать окружающим свою точку зрения на мир, на людей, на их поступки. Но получается это у нее не специально, а само собой. Говорю же вам, она очень правильный человек, и это сразу чувствуется.

Девушка задумалась.

– Как-то раз, – сказала она наконец, – мы с ней шли мимо мусорных баков. В одном баке рылся бомж – грязный, вонючий... Я поморщилась и сказала что-то, не помню, что именно. Кажется, про скунсов пыталась состричь. А Вика говорит: «Так ведь холодно, ему помыться негде».

Она на секунду замолчала. Макар ждал.

– Холодно, помыться негде, – повторила Лена, глядя сквозь него. – Она очень просто это сказала, Макар. Не пытайтесь меня осуждать, убеждать, проповедовать, что нужно любить бомжей... Нет, вовсе нет! И я даже не буду вам говорить, что мне вдруг стало стыдно и я пошла домой и вынесла к помойке теплые вещи. Все не так! Но я

задумалась – правда, задумалась, – что ноябрь, и холодно, а он, наверное, летом привык мыться в реке. До разговора с Викой мне в голову и мысли не приходили о том, как бомжи моются. А тут пришли.

Она перевела взгляд обратно на Макара.

– Из-за этого и Антон в нее влюбился, – добавила Лена.

Антон Липатов пользовался успехом у женщин – молодой, привлекательный, перспективный. К тому же он был галантен, что неизменно производило впечатление как на молоденьких девушек, так и на дам постарше. Собственный жизненный путь Липатов представлял себе довольно ясно примерно с двадцати двух лет: до тридцати пяти – активно работать, зарабатывать деньги и делать карьеру, затем – жениться на подходящей девушке из хорошей семьи и до сорока лет обзавестись двумя-тремя детьми. Жена должна быть моложе, но ненамного, чтобы с годами разница в возрасте супругов не стала критической: Антон далеко просчитывал перспективы, и ему вовсе не хотелось играть роль старого мужа при относительно молодой жене.

Липатов не исключал, что такую девушку из хорошей семьи он встретит и раньше, поэтому хладнокровно произвел ревизию своих достоинств потенциального жениха. В своих активах Антон числил импозантную внешность, престижное образование, здравомыслие и умение зарабатывать деньги, а также материальные накопления, выразившиеся в виде трехкомнатной квартиры в спальном районе Москвы, машины и счета в банке. Липатов понимал, что принципиальное значение для будущей жены будут иметь именно материальные активы, а не его внешность и характер. Не то чтобы он был циником, просто к двадцати двум годам Антон, наблюдавший за окружающими его людьми, научился делать правильные выводы и трезво смотреть на мир. Подобная картина мира его не огорчала, поскольку он не был романтиком.

Женщины в его жизни появлялись часто и разные: Липатов хотел многое успеть до собственной свадьбы, чтобы потом «не было

мучительно больно за бесцельно прожитые...», как сам он, смеясь, признавался друзьям. Но одному правилу следовал неизменно: не заводить романов на работе. «Не спи там, где работаешь, и не работай там, где спишь». Так было до того, как в офисе «Юго-запада» появилась Вика Стрежина.

Он обратил на нее внимание сразу – как ни странно, именно потому, что новая секретарша не подходила под тот типаж, который он предпочитал: высоких темноволосых женщин с тонкой талией и пышной грудью. Невысокая, худенькая, с длинными светлыми волосами и очень серьезным бледным лицом, словно недавно перенесла тяжелую болезнь, Вика при знакомстве с Липатовым улыбнулась ему так нейтрально-вежливо, что его, против воли, задела ее улыбка: она ясно показывала, что девочка не оценила его, Антона, по достоинству, иначе улыбка ее была бы совершенно иной. Липатов посмеялся сам над собой: секретарша совсем еще молоденькая, вылетит из фирмы самое большее через месяц, и смешно даже думать о ней всерьез. Однако Стрежина оказалась на редкость дельным работником. Несмотря на то, что она держала со всеми дистанцию, это не вызывало у сотрудников фирмы неприязни – скорее заинтересованность и уважение. Ее взяла под свою опеку симпатяга и умница Лена Красько, к ней прониклись расположением девочки из бухгалтерии, а аналитический отдел дружно радовался появлению нормального секретаря, при котором наконец-то перестали теряться важные документы.

В один прекрасный день Липатов столкнулся со Стрежиной в дверях офиса и уже собирался извиниться, как вдруг заметил, что она подстриглась, и поперхнулся словами. Длинных светлых локонов больше не было: Вика подняла на него глаза и встряхнула шапочкой коротких волос, смущенно улыбаясь. Стрижка подчеркнула красивую линию скул, высокую шею, гордую посадку головы, и даже глаза у Стрежиной, казалось, заблестели ярче.

– Тебе очень идет, – сказал Антон, пытаясь прогнать невесть откуда взявшееся чувство растерянности, совершенно ему

незнакомое. – Очень идет, правда, – повторил он.

– Спасибо. Мне тоже нравится. – Она снова улыбнулась и прошла мимо него.

Вечером, удивляясь самому себе, Липатов пригласил ее поужинать. Стрежина согласилась, и с тех пор они часто вместе ужинали после работы. Но Антон, рассчитывавший на быстрое развитие отношений, жестоко ошибся: Вика общалась с ним исключительно по-дружески. Впрочем, его устраивало и это. С ней было увлекательно, с ней было весело, с ней он открывал в себе черты, о которых не знал раньше. Самым удивительным стало для Липатова открытие, что идеальная жизнь, нарисованная им для себя, перестала быть ему интересна. Он с некоторой брезгливостью вспоминал, как распланировал свадьбу с невстреченной невестой, воспитание неродившихся детей, совместное старение с женой младше его и обязательно из хорошей семьи, которой он никогда не видел.

Всю жизнь Липатов плыл по течению, ничего не преодолевая, поскольку в том не было необходимости. Вуз, хорошая работа, материальные блага – все приходило само собой благодаря связям родителей и его собственным, наработанным со временем. В Вике он видел стержень, которого не имел сам; видел способность преодолевать такие обстоятельства, в каких девять человек из десяти сдались бы на их волю. И проникался к ней все большим уважением, странно сочетавшимся с нежной жалостью, как к несправедливо обиженному ребенку, и желанием защитить ее.

Он пропустил момент, когда перестал думать о Вике как о возможной подружке, и представил ее своей женой. Ему было безразлично, что она происходит из «неправильной» семьи, с которой практически не поддерживает отношений; он не думал о том, сколько детей она может ему нарожать и как высоко Стрежина оценивает его стоимость на брачном рынке. Антон Липатов хотел, чтобы она любила его, и с горечью думал о том, что такого человека, как он, Вика не полюбит. Но только с горечью, если и была в нем

злость, то лишь на себя самого.

– С Липатовым у Вики романа не было, здесь он не соврал, – рассказывал Макар внимательно слушавшему Бабкину. – Они общались по-дружески. Если я правильно понял ее подругу, Стрежина – довольно необычная девушка. То есть женщина. Нет, все-таки девушка, – поправился он, вспомнив юное серьезное лицо на фотографии. – А, неважно! Короче, нечего удивляться тому, что наш клиент сначала ею заинтересовался, а потом влюбился.

– У Стрежиной был другой?

– Как ты догадался? – ухмыльнулся Илюшин. – Точно. Некто Вениамин Рощин. Тебе это имя что-нибудь говорит?

– Рощин, Рощин... – забормотал Сергей. – В бытность мою опером мы одного Рощина брали за вооруженные нападения. Надеюсь, это не тот?

– Не тот, – успокоил его Макар. – Наш Рощин молодой и жутко талантливый.

– Да ну?

– Именно. Играет главную роль в сериале «Звезды падают с небес». Ты в курсе, что его каждый вечер по первому каналу транслируют?

– А как же! Каждый вечер, как стемнеет, сажусь перед телевизором и включаю первый канал. А там – звезды! Падают и падают, падают и падают, а я смотрю и смотрю... – Бабкин скосил глаза к переносице и высунул кончик языка.

Макар насмешливо фыркнул:

– Я так и думал. Короче, поверь мне на слово – Рощин красавчик, мечта девушек. Обаятельный злодей, которого пытается перевоспитать главная героиня.

– Успешно?

– Понятия не имею. Можешь узнать у него сам, потому что Рощин один из тех, с кем тебе предстоит встретиться.

– А кто остальные? – без всякого воодушевления поинтересовался Сергей.

– Во-первых, семья Стрежиной. Там наверняка будет пустышка, потому что Вика с ними давно не общалась и вообще терпеть свое семейство не может. Об этом в один голос говорили и Липатов, и Красько, поэтому вряд ли Стрежины знают, где находится их дочь. Но проверить необходимо.

– А во-вторых?

– А «во-вторых» куда интереснее. Наше с тобой «во-вторых» – это Михаил Олегович Каморкин, Викин дядюшка, которого она очень любит.

– И что интересного в господине Каморкине? – с нескрываемым скепсисом спросил Бабкин. – Фамилия?

Макар вздохнул и укоризненно покачал головой.

– Серый ты человек, Серега, – с сожалением признал он. – Дядюшка Виктории Стрежиной – личность очень даже незаурядная и широко известная в узких кругах. Ты в старости мемуары будешь писать о том, как общался с ним, и тебе за твои воспоминания заплатят большие деньги.

– Давай-ка мы с тобой для начала отработаем то, что нам на счет непрошено упало, – хмуро пробурчал Бабкин. – А там и о мемуарах поговорим. А пока расскажи мне, кто такой Каморкин и чем он известен.

Глава 3

В квартире мелодично протренькал звонок, и Михаил Олегович от неожиданности выронил книжку. Неужто Андрюша так рано вернулся? Не похоже: он только с полчаса как ушел. Покачивая головой, Каморкин подъехал к двери и посмотрел в глазок. Ай-ай-ай, как он мог забыть! Старик торопливо отодвинул засов и отъехал в сторону, впуская гостей.

Их было двое, как его и предупредили по телефону: первый – большой, тяжеловесный, сразу заполнивший собой крохотную прихожую; второй – «попрыгунчик» (так подобных личностей именovala бабушка Михаила Олеговича): среднего роста, худощавый, с любопытством оглядывающийся по сторонам. «Помощник, должно быть, – решил Каморкин. – На подхвате у старшего».

– Проходите, будьте так любезны, – предложил он, доставая из шкафчика две пары мохнатых ушастых тапочек. – Не обессудьте, что прошу переобуться. Полы мыть мне самому тяжело, а на улице нынче слякотно.

Бабкин, снимая куртку, незаметно огляделся. Да, бедно живет дядюшка Виктории Стрежиной, очень бедно. «Откуда богатство возьмется, если хозяин – инвалид, в кресле-каталке перемещается? – спросил самого себя Сергей. – Хорошо, что в квартире чистенько, должно быть, родственники помогают». Он бросил взгляд на старика, сидящего в инвалидном кресле. Михаил Олегович Каморкин был сухопар и очень опрятен; кожа на его лице имела желтовато-серый оттенок. «Оттого, что на улицу не выходит», – понял Бабкин. Клетчатая фланелевая рубашка старика была выглажена и застегнута на все пуговицы, верхняя из которых врезалась в его морщинистую шею. Седая заостренная борода придавала лицу дядюшки Стрежиной интеллигентный вид.

Каморкин въехал в комнату и вопросительно посмотрел на вошедших следом.

– Чайку выпьете со мной? Тортиком, к сожалению, побаловать вас не могу, но вот печеньице обещаю.

Бабкин открыл было рот, чтобы отказаться и не объедать хозяина, но Макар уже благодарил и соглашался на чай и печенье.

– Ты полчаса назад позавтракал, – укоризненно заметил Сергей вполголоса, когда хозяин выкатился из комнаты на своем кресле. – А у старика, наверное, это последние сладости, купленные с пенсии.

– Зато за чаем он тебе расскажет в полтора раза больше, – так же тихо ответил Илюшин. – А печенье мы ему в другой раз привезем. Нельзя было старика обижать отказом.

– Михаил Олегович, разрешите, я вам помогу, – громко произнес он, выходя следом за хозяином.

Оставшись один, Бабкин огляделся по сторонам. Старенькие обои в голубой цветочек, книжные полки на уровне коленей, небольшой телевизор в углу, покрытый красной бархатной салфеткой с бахромой... «Чтобы не пылился», – догадался Сергей. На полу возле зеленого дивана с потертыми подлокотниками валялась книжка. Он поднял ее. «Анжелика Строганова. “Любовь светла”. Да, забавные книжки читает Михаил Олегович». Бабкин огляделся по сторонам в поисках фотографий, но их не было. Только над письменным столом висел отрывной календарь с видами среднерусской полосы.

Сергей уже знал от Илюшина, что Каморкин не был профессиональным фотографом. Что не мешало ему входить в число самых признанных мастеров пейзажа, хотя количество работ Михаила Олеговича было незначительным. Точнее, он снял шестнадцать пейзажей, каждый из которых стал образцом для многократного повторения и подражания.

До признания его как фотографа на протяжении многих лет Каморкин работал на телевидении – поначалу писал сценарии, затем переквалифицировался в журналисты, много ездил по миру,

а последние два года своей телевизионной карьеры вел передачу под названием «Жизнь твоей Родины», в которой рассказывал о необычных местах СССР. Передача выходила раз в два месяца и была далеко не так интересна, как можно было ожидать по названию и анонсу. Съёмочная группа приезжала на натуру, снимала материал, Каморкин старательно проговаривал в камеру написанный кем-то текст, и все вместе получалось добросовестно, но скучновато. Передачу уже собирались закрывать, и остаться бы Каморкину в памяти коллег посредственным ведущим посредственной передачи, если бы Михаил Олегович не купил себе фотокамеру «Зенит».

Закончив работу со съёмочной группой, Каморкин хватал камеру и отправлялся бродить по окрестностям в компании с оператором по имени Генка Шпунтиков. Они сдружились за время совместных командировок, и съёмочная группа иронично, но ласково именовала их Винтиком и Шпунтиком.

Генка был маленький, нелепый человечек – из тех, кто, кажется, сразу рождается с лысинкой. Окружающие считали его совершенно неинтересным, потому что в компаниях он никогда ничего не рассказывал, а только сидел в углу и время от времени посмеивался себе под нос, причем без всякой видимой причины. Шпунтиков иногда выпивал, и неплохо выпивал, но оператор он был отличный, и ему прощали и странности, и изредка просыпающуюся страсть к выпивке – тем более что, выпив, Генка не буйствовал, а что-то тихо рассказывал самому себе, чертил рукой в воздухе непонятные картины, в конце концов пускал слезу и засыпал под боком у какой-нибудь дамы. Никто не воспринимал его всерьез, и тем удивительнее была для всех его дружба с обаятельным Каморкиным.словно заядлые рыбаки, встающие до зари, чтобы выловить самую большую рыбу, они поднимались рано утром и торопились успеть обойти окрестности до прибытия автобуса. Каморкин размахивал камерой, повествуя о чем-то, Шпунтиков

тащил штатив, и их фигуры, расплывающиеся в утреннем тумане, выглядели комично.

Михаил Олегович никому не показывал результаты их утренних вылазок. Над ним в группе уже начали подшучивать: мол, Каморкин только делает вид, что снимает, а на самом-то деле у него и пленка в фотоаппарат не заряжена. Тот отшучивался и обещал удивить всех прекрасными снимками, а Шпунтиков одобрителем кивал и, посмеиваясь себе под нос, строчил очередное письмо жене – он подробно отписывался ей из каждой поездки, и это тоже было предметом беззлобных шуток коллег. На прямой вопрос, о чем же он беседует со Шпунтиковым, Михаил Олегович как-то ответил, что Гена – очень начитанный человек и знает много такого, о чем он сам никогда и не слышал. «Когда Генка рассказывает о чем-нибудь, мне и снимать хочется по-другому, – сказал однажды Каморкин. – Не дерево в долине, а ветер над ним. Или тишину». Шпунтиков, услышав это, покраснел и замахал руками, но с тех пор за ним закрепилось прозвище Нестор.

В трагедии, случившейся с ними в Монголии спустя два месяца, некоторые пытались обвинить Каморкина – именно из-за его неумной страсти к фотографированию. Мол, журналист полез черт знает куда и потащил за собой безропотного приятеля. Но было быстро доказано, что если кто кого и тащил за собой, так это Шпунтиков Каморкина, а не наоборот. В горах, где они снимали очередной сюжет, Генка заметил расщелину, в которой по утрам оживали тени и казалось, будто склоны начинают двигаться. За день до отъезда он уговорил Михаила Олеговича добраться рано утром до необычного места, убеждая того, что снимки должны получиться совершенно необычными, исключительными.

Неумный Шпунтиков шел первым по краю расщелины, а Каморкин нехотя тащился за ним с камерой, уговаривая вернуться: свет был неподходящий, туман, да и холодно.

– Миша, давай ты вот отсюда попробуешь снять – и возвращаемся, – предложил Генка, сделал шаг вперед и исчез.

Раздалось странное шуршание, затем вскрик – и наступила тишина.

Каморкин закричал, бросился вперед и еле успел остановиться: перед ним открывалась узкая щель, словно прорубленная в склоне гигантским топором. Замерев от ужаса, Михаил Олегович заглянул вниз и увидел приятеля, лежавшего на дне трещины. Шпунтиков с мольбой смотрел на него, и Каморкин, отбросив камеру в сторону, начал спускаться вниз, приговаривая: «Сейчас, Генка, сейчас, подожди секундочку»...

Видевшие позже место трагедии не верили, что человек в здравом уме способен полезть в трещину, куда упал Шпунтиков. Узкий каменистый склон был почти отвесным, и не было на нем ни кустов, ни деревьев, за которые можно было бы уцепиться. Но Каморкин, никогда в жизни не занимавшийся никаким спортом, кроме бега по утрам, сумел преодолеть почти половину страшного пути, прежде чем сорвался и упал следом за Генкой, разбиваясь об острые камни.

Их нашли спустя три часа, когда обеспокоенная долгим отсутствием приятелей съемочная группа вышла на поиски. Генка так и смотрел умоляюще в голубое небо, и волосы его вокруг желтой лысины были черными от вытекшей крови – он разбил череп при падении. Каморкин, просивший его подождать секундочку, разговаривал с трупом, не зная о том. Сам Михаил Олегович лежал в двух шагах от друга лицом вниз, с неестественно вывернутыми руками. Он был жив.

После нескольких операций стало очевидно, что Каморкин навсегда останется инвалидом. Врачи сказали, что он выжил чудом и должен благодарить бога за то, что легко отделался. Каморкин кивал, соглашался, благодарил врачей, а перед глазами у него стояло умоляющее Генкино лицо. «Сейчас, Генка, сейчас, подожди секундочку».

Вернувшись домой, Михаил Олегович обнаружил, что молодая любовница, обосновавшаяся за три месяца до случившегося в его квартире, собрала вещи и ушла. Каморкин лишь усмехнулся, покачал головой и выкинул ее пудреницу, завалившуюся в ящике

письменного стола. «Всегда распахивала свои причиндалы по всем углам», – брезгливо подумал он, и это была последняя мысль, связанная с женщиной, в которую, казалось, он был влюблен. Когда-то давно. В прошлой жизни. До того, как стал спускаться в расщелину, из которой смотрел Шпунтиков.

Поначалу его активно навещали друзья, приятели и коллеги, но постепенно визиты их становились все реже, пока окончательно не выработался некий режим. Второй оператор их группы забежал на двадцать третье февраля и перед Новым годом – всегда с бутылкой хорошей водки. Две знакомые дамы-сценаристки заходили раз в три месяца, оставляя после себя в маленькой квартире белые гвоздики, торт «Наполеон» и сладковатый запах духов. Каморкин не любил цветы, но постепенно привык и даже неприятно удивился, когда однажды вместо гвоздик были принесены хризантемы. Он пошутил на эту тему, и с тех пор дамы строго следовали заведенному обычаю.

Остальные приятели и знакомые заходили кто раз в год, кто раз в полгода... Михаил Олегович не обижался, поскольку понимал: общаться с инвалидом тягостно...

Ты выйдешь из его квартиры на двух ногах, сбежишь по лестнице, чуть не споткнешься о подлую выщербленную ступеньку на первом этаже, поможешь себе коленкой приоткрыть тяжелую входную дверь и в конце концов вдохнешь мокроватый свежий воздух перед подъездом.

А человек, к которому ты приходил, останется один – представлять, как ты сбегаешь вниз, спотыкаешься и ругаешь ступеньку, открываешь дверь, дышишь полной грудью... Думать об этом – неприятно, а ощущение вины, преследующее тебя до самого дома, царапает изнутри, словно ты в чем-то виноват перед ним. И чтобы не испытывать это чувство заново, ты отложишь новый визит, а потом отложишь еще раз, а затем найдется срочное дело, и так до тех пор, пока чувство стыда не пересилит иррациональное чувство вины. Тогда гость появится снова.

Поэтому Михаил Олегович не обижался на знакомых. Он лишь старался развивать в себе привычку к одиночеству, которой до этого не имел.

В один пасмурный октябрьский день Каморкин вспомнил о камере, брошенной им перед тем, как он полез за Генкой. Как ни странно, фотоаппарат не затерялся в суматохе, а был подобран кем-то из группы и возвращен хозяину. А четыре предыдущие отснятые пленки давно ждали своего часа в верхнем ящике стола, откуда была презрительно выкинута душистая пудра.

Михаил Олегович устроил в ванной комнате лабораторию и целыми днями колдовал над пленками, проявляя, увеличивая, печатая... Площади ванной едва хватало на то, чтобы он мог развернуться в своем кресле. Закончив печатать, Каморкин отобрал шестнадцать фотографий, а остальные разрезал на мелкие кусочки и выкинул в мусорное ведро. Они не передавали того, что он хотел выразить.

Снимки он отправил в журнал через знакомого, интересующегося фотографией. Спустя месяц после выхода журнала с его работами фамилию Каморкина знал каждый уважающий себя пейзажист.

Шестнадцать черно-белых пейзажей были просты, лаконичны и совершенны. Критики не раз потом употребляли слово «совершенный», описывая фотографии Михаила Олеговича, хотя вряд ли кто-то из них смог бы объяснить, в чем же заключается пресловутое совершенство. Но оно существовало, и это чувствовал каждый, смотрящий на фотографию.

Каморкин не снимал ничего необычного, он не показывал те диковинки природы, о которых они делали передачу. На трех снимках были деревья. На двух – горы. На пяти – вода. На шести – лес или поле. Но любая попытка описать фотографии не объясняла силы их воздействия – хуже того, она была невероятно далека от истины. Пытались говорить о прекрасном свете, который наполнял пейзажи объемом, о неповторимом теневом рисунке,

о перспективе, но все фразы не передавали и десятой доли того, что в действительности видел зритель на снимках.

Самый первый пейзаж был прост и лаконичен. На краю поля, заросшего высокой травой, стояло дерево, и ветки его клонились от ветра. А вдалеке виднелся маленький силуэт улетающей птицы. Дерево было снято четко, а птица – чуть размыто, как и само поле, и перистые высокие облака на небе. Такую фотографию мог бы снять школьник. Но в ней было все: ветер, свобода, полет, небо, ощущение счастья и одиночества. Зритель ощущал себя одновременно и птицей в полете, и деревом, и человеком, замершим с камерой в руках от красоты увиденного.

На другом снимке камни катились с горы, и за ними поднималась пыль, в которой угадывались очертания других камней. На третьем солнечные лучи пронизывали замерший лес, тянувшийся всеми ветвями своих деревьев к свету, и лишь крошечное корявое деревце на переднем плане стояло со сломанной веткой, бессильно касаясь ею мокрой травы. И в каждой фотографии присутствовало явственное ощущение мира без людей; вечной природы, которой ничто не угрожает.

Камеру Михаил Олегович подарил своему соседу Андрею. За всю последующую жизнь он не сделал ни одного снимка. Большинство людей полагало, что проблема – в его инвалидности, и лишь несколько человек догадывались об истинных причинах. Сам Каморкин как-то обмолвился, что его работы посвящены Генке Шпунтикову, и даже если бы он мог ходить, то не фотографировал бы никогда. «Что бы я теперь ни снимал, на снимках будет получаться лишь одно», – непонятно выразился однажды в компании приятелей Михаил Олегович. Люди, слышавшие его слова, не совсем поняли, о чем он говорит, но переспрашивать не стали. Пожалуй, один сосед догадался, что увидел бы старик в объектив камеры и чего он не хотел видеть. «Сейчас, Генка, сейчас, подожди секундочку»...

Бабкин наклонился над календарем и покачал головой. На зеленом поле паслись бурые коровки, вдалеке за речкой золотились купола.

– А пастух-то где? – проворчал Сергей под нос. – Забодали-затоптали?

– Вы, пожалуйста, не обращайтесь внимания на эту поделку, – посоветовал Михаил Олегович, заезжая в комнату. – Я ее держу исключительно из утилитарных соображений.

Бабкин молча кивнул. Он хотел спросить, почему Каморкин не повесит на стены свои работы, но постеснялся. После объяснения Макара, кто такой дядя Вики Стрежиной и чем он знаменит, Сергей покопался в Интернете и нарыл шестнадцать пейзажей. Он молча щелкал клавишей мыши, перелистывая черно-белые снимки и подолгу останавливаясь на каждом. В конце концов вернулся к фотографии, на которой дерево со сломанной веткой было освещено лучами утреннего солнца, несколько минут смотрел на нее и только затем закрыл со странным чувством восторга и обделенности одновременно. Он многое бы отдал за возможность видеть мир таким, каким видел его бывший журналист и телеведущий с забавной фамилией Каморкин.

Макар вкатил столик с большими стаканами в мельхиоровых подстаканниках – тяжелых, потемневших от времени, с изогнутыми ручками. В стаканах плескался темно-красный чай. Из вазочки высывались клетчатые конфеты «Школьные», в плетеной корзинке горкой были насыпаны крекеры.

– Прошу вас, угощайтесь, – пригласил Михаил Олегович, ловко подталкивая столик к дивану. – К сожалению, хорошее печенье закончилось, – он вздохнул, – не обессудьте, что потчую крекерами. Зато чай вкусный!

– Михаил Олегович, расскажите про Вику, – попросил Макар, отхлебывая горячий напиток с кисловатым привкусом и удивленно отмечая про себя, что чай и в самом деле на редкость вкусный. – У вас с ней хорошие отношения?

Старик отставил стакан в сторону и дернул бородкой.

– Хорошие? – повторил он, как показалось Макару, с горечью. – Да что вы, милый мой! Хорошие отношения у меня могут быть с соседом, Андрюшей, поскольку он, спасибо ему, раз в два дня продукты свежие мне приносит. Или с бывшими коллегами. А с Викой... Она мне родная – можно сказать, единственная родная душа.

– А как же ваша сестра? – включился Бабкин. – Ведь мать Вики Стрежиной – ваша сестра, правда?

Каморкин вздохнул и кивнул.

– Хоть и стыдно говорить о близких людях гадости, но человек она недалекий до безобразия. И притом недобрый. А это, уважаемые, такое страшное сочетание – глупости со злостью, что никакой умный злодей глупому в подметки не годится. Впрочем, Галина мне и не близка вовсе, что здесь придумывать. Поэтому я могу быть с вами совершенно откровенен. Но к Вике, к Вике-то она какое отношение имеет?! – не выдержал он и взглянул на них умоляющими глазами – светло-карими, очень ясными. – Она пропала, не звонит мне, уехала бог знает куда и не вернулась! Вы говорите, что ищете ее, – а что вы для этого делаете?

– Мы только начали, Михаил Олегович, – успокаивающе произнес Макар. – Скажите, вы обратились в милицию?

– Обратился, – подтвердил старик. – И даже, скажу я вам, заявление они у меня взяли!

– Как вы доехали до участка? – не сдержался Сергей.

– Андрей помог, сосед мой, – признался Каморкин. – Самому-то мне и в лифт не въехать...

– Взяли заявление? – переспросил Макар, нахмурившись. – Странно...

– Вот и я удивился! – подхватил Михаил Олегович. – Раньше, слава богу, с милицией мне сталкиваться не довелось, и ожидал я от нее пакостного отношения, признаюсь честно. Но все оформили чин по чину.

– И к вам приходили? – быстро спросил Бабкин.

– Два дня назад. Появился оперативник, работавший по моему заявлению, – молодой совсем парень, пожалуй, чуть помладше вас, Макар, – и я его поил своим чаем, упрашивал хоть что-то сделать. Он поначалу объяснял, что нет оснований, но затем, слава богу, согласился помочь, чем сможет. Уговорил я его. Теперь вот жду... – Он снова вздохнул и перевел взгляд на массивные часы, стоявшие под календарем с коровками. – Время долго тянется...

– Что Вика рассказывала вам о выигрыше? – поинтересовался Илюшин. – Для нас могут оказаться важными любые подробности.

Каморкин добросовестно сообщил все, что знал, но его история ничем не отличалась от истории Антона Липатова.

– Видели бы вы, какой счастливой была Вика, – закончил он. – Прибежала ко мне, с порога начала приплясывать, как ненормальная! За пять минут вывалила на меня свои новости и ускакала, а я, знаете ли, остался в легком недоумении. Мне казалось, что все подобные конкурсы – надувательство сплошное и полный обман.

– Вика была с вами откровенна, как вы думаете? – прямо спросил Сергей.

Старик задумался.

– Она девочка скрытная, но мне никогда не врет, – проговорил он медленно. – Скрытность у нее из семьи идет, нужно знать наших родственников, чтобы понимать, о чем я. Да я бы, пожалуй, и скрытностью-то это не назвал. Сейчас принято с первых минут знакомства сообщать собеседнику самую личную информацию, выкладывать все как на духу. Я и сам, признаться, не люблю откровенничать, а уж в малознакомых людях откровенность для меня и вовсе невыносима. И Вика такая же. Говорит, прежде чем откровенничать, нужно хотя бы годик-полтора пообщаться с человеком, узнать его. Да, все-таки она со мной откровенна. Видите ли, я очень ее люблю, и Вике прекрасно известно мое к ней отношение.

– Что у нее за семья?

Каморкин покосился на Илюшина, положил в рот крекер, тщательно прожевал и лишь затем ответил:

– Семья как семья, со своими странностями. Если угодно, я могу подробнее рассказать о Галине и ее муже, но не вижу, чем может помочь мой рассказ.

– Хорошо, – не стал настаивать Илюшин. – Тогда скажите, Михаил Олегович, с кем встречалась Вика? У нее есть друг?

– Был, – неохотно признал Каморкин. – Вика меня со своими мальчиками не знакомила, но о последнем воздыхателе, как ни странно, я знаю.

– Потому что телевизор смотрите, – моментально догадался Макар.

– Именно, – с легким удивлением взглянул на него старик. – Вам уже известно о данном персонаже?

– Вениамин Роцин?

– Он самый. – Каморкин сморщил нос и стал похож на худую черепаху. – Толком рассказать ничего об их отношениях я не могу, но одно знаю точно: расстались они врагами. Этот актеришко даже смел угрожать Вике!

– За что?

– Она первая разорвала отношения, – объяснил Михаил Олегович. – Он – самодовольный, напыщенный красавчик, полная бездарность. Я, признаться, был даже несколько удивлен выбором племянницы; разочарован, сказать точнее. Но Вика быстро разобралась в своем герое.

– Чем он ей угрожал? – нахмурился Бабкин.

– И этого не знаю, – сокрушенно развел руками старик. – Вика как-то обмолвилась, что Роцин звонит ей и говорит гадости, угрожает. Я пытался было ее расспросить, но она настолько несерьезно отнеслась ко всем его звонкам, что даже не стала посвящать меня в подробности. Тогда я решил, что дело и впрямь

не стоит выеденного яйца, что в мальчишке оскорбленное самолюбие бушует, но сейчас...

– Мы поговорим с Рощиным, – понял его Илюшин. – Если бы Вика уехала с ним отдыхать, она бы вам сказала?

– Да, – не задумываясь, кивнул Каморкин. – Я уверен, что Вика любит меня, к моему мнению прислушивается... Но сделает она все равно по-своему, что бы я ни говорил ей, как бы ни убеждал. Да, и вот что: Вика никогда не стала бы врать о каком-то выигрыше. Она очень честная девочка, искренняя.

Макар хмыкнул про себя. Уже третий человек говорил ему об искренности и честности Вики Стрежиной, при том отзываясь о ней с нескрываемой теплотой и заботой. Илюшин никогда не считал честность и прямоту, вернее, прямолинейность, приятными чертами, которые могут снискать для их обладателя любовь окружающих, – скорее, наоборот. Значит, в девушке, которую они искали, было что-то притягательное – притягательное настолько, что даже пресловутая прямота не расценивалась ее друзьями как недостаток. «Интересно, что?» – спросил себя Макар. Пока у него не было ответа на этот вопрос.

– Спасибо, Михаил Олегович, – сказал он, поднимаясь.

– За что? – пожал тот плечами. – Я вам ничем не помог. – Он опять взглянул на циферблат. – Через три часа попробую дозвониться до отделения, может быть, что-то станет известно.

– Мы тоже на это рассчитываем, – кивнул Илюшин. – Мне было очень приятно познакомиться с вами, Михаил Олегович.

Старик улыбнулся и кивнул на плетеную корзинку.

– Вы не съели ни одного крекера. Полагаете, что можете меня объесть? – с неожиданной пронизательностью поинтересовался он. – Напрасно, меня частенько балуют вкусеньким знакомые. Так что заходите еще, я вас угощу чем-нибудь получше. Господи, надеюсь, с Викторией все хорошо!

Бабкин и Илюшин дружно кивнули. Им тоже хотелось, чтобы с Викторией Стрежиной все было хорошо, особенно после того, как они

познакомились с ее дядей.

– Итак, где может быть Стрежина? – задумчиво сказал Макар, когда они вернулись в его квартиру. – Визит к ее почтенному дядюшке ничего не дал...

– Обидно, что опрос жильцов тоже ничего не дал, – эхом отозвался Бабкин, зря потративший накануне три часа на обход жилого дома, во дворе которого сбили Липатова: свидетелей преступления не было, а следы машины, как выяснил Сергей, присыпало ноябрьским снежком, растаявшим вместе с отпечатками шин к тому времени, когда приехала «Скорая помощь». Ниточки, ведущей к Стрежиной через убийцу Липатова, не оказалось.

– На свидетелей я и не возлагал особых надежд, а вот на Каморкина рассчитывал.

– Ага, ты ожидал, что он тебе признается: мол, отдыхает моя племянница на Мальдивах, – съязвил Сергей. – Впустую съездили, конечно. Разве что с интересным стариканом познакомились.

– «Интересным» – неподходящее слово. Каморкин – талант.

– Этот талант прозябает в бедности, – суховато заметил Бабкин. – Не выезжает из квартиры, поскольку наши дома не приспособлены для инвалидов, и без помощи соседа не может купить себе продукты.

– А на дом заказать по Интернету? – неуверенно предположил Илюшин.

– Ты видел у него компьютер, Макар? Лично я видел обтрепанный диван и обои, которым двести лет в обед. Ладно, – махнул он рукой. – Давай не будем разводить пустых разговоров. Бессмысленно все это. Старика только жалко.

– Если не будем заводить разговоров, то давай определимся: где сейчас может быть Стрежина? – Макар подвинул к себе листок бумаги и приготовился рисовать схему.

Бабкин молча раздумывал.

– Ладно, зайдем с другой стороны, – предложил Илюшин спустя минуту молчания. – Где ее не может быть? Есть у нас такие места

в природе?

– Есть, – оживился Сергей. – Где ее не может быть, так это...

Зазвонил телефон, и он запнулся.

– На каком-то необитаемом острове, – закончил за него Макар, поднимаясь с дивана. – Точно. Нам с тобой нужно выяснить одно: придумала ли Вика историю с выигрышем, или нечто подобное и в самом деле имело место? Как только выясним – поймем, куда идти дальше.

Телефон продолжал звонить, и Илюшин выскочил из комнаты.

«Где она может быть... – повторил про себя Бабкин. – Черт возьми, да где угодно! В Норильске, на Камчатке, в Мурманске или Краснодаре. Если она соврала про выигрыш, значит, весело проводит время с мужиком. А если не соврала...»

Тут Бабкин запнулся, потому что всерьез подобную версию он не рассматривал. «Если не соврала...»

В комнату вернулся Макар и встал в дверях, напряженно глядя перед собой. В руке он держал телефонную трубку, из которой доносились короткие гудки.

– Телефон выключи, – посоветовал Сергей. – Макар, ты чего? Кто звонил?

Макар перевел на него взгляд, мотнул головой, словно просыпаясь, и нажал на кнопку. Телефон затих.

– Ну? – скептически поинтересовался Бабкин. – Долго будешь торчать в дверях? Ау, Макар, ты завис?!

– Завис, – подтвердил тот, приходя в себя. – И знаешь, почему? Потому что Каморкин дозвонился-таки до отделения. И там ему сообщили, что Виктория Сергеевна Стрежина три недели назад вылетела на Соломоновы острова.

Глава 4

Виктория Стрежина

За три недели до описываемых событий

За иллюминатором пенились облака. Вика смотрела на них и не могла сдержать улыбки: девчонки сейчас наверняка корпели над документами, суетились из-за капризничающего принтера, спорили, сколько бумаги слопают шредер за один раз... А она летела – летела, летела! – на необитаемый остров – остров, остров! Вика пропела это про себя, тихонько засмеялась, и сидящая рядом женщина с улыбкой посмотрела на нее. Лицо у женщины было славное, и Вика уже открыла рот, чтобы поделиться своей радостью, но вовремя передумала: не стоит рассказывать о себе ничего лишнего. Никогда не знаешь, чем это может обернуться впоследствии. Она вспомнила Нинку и поморщилась. Если ее родители и старшая сестра и заслуживают благодарности, так только за то, что вдолбили в нее такую простую истину: не делись ни с кем своими историями, переживаниями и проблемами. А если делишься – будь готова к тому, что в самый неподходящий момент, когда ты будешь беззащитна, твоя откровенность ударит по тебе самой.

Вика покачала головой и выкинула мысли о семье из головы. «Пусть живут как хотят – без меня».

Она представила белую аккуратную гостиницу под пальмами и снова заулыбалась.

Забавно, что никто не поверил в ее удачу, кроме нее самой. Дядя отнесся к происходящему скептически, Антошка – настороженно, Ленка – прохладно. «Подумаешь, две недели на каком-то там

острове! Вика, ты сдохнешь от скуки, – заверяла неромантичная Ленка. – Вот если бы ты выиграла две недели лучшего в мире дайвинга!» Ленка, приземленная натура, не понимала ничего в островах. Ничегошеньки.

А вот Вика знала – знала сразу, как только две одинаковые девушки в уродливых лимонных костюмах бросились к ней с предложением выиграть в лотерею, – что она непременно что-нибудь выиграет, потому что удача на ее стороне. Она уже выиграла – вырвавшись из своей семьи, получив отличную работу, найдя себе друзей, хотя всю предыдущую жизнь была уверена, что с ней никто никогда не будет дружить... Значит, ей могло повезти и в этот раз. Правда, что повезет так, даже она сама не ожидала.

Поначалу, когда утихли визги лимонных девушек, она стояла слегка оторопевшая и не очень понимающая, какие же эмоции испытывает. Удивление... недоверчивую радость... И лишь потом, когда в ее квартире появился представительный мужчина с тонкой черной папкой, на которой серебристым росчерком была выведена непонятная монограмма, и деловито осведомился о том, как ей предпочтительнее оформлять визу, Вика словно окунулась в счастье, в восторженное предвкушение оживающей мечты. Настоящей мечты, то есть такой, которая сбывается сама по себе. Не пришлось достигать ее тяжким трудом, не пришлось ничем жертвовать, ползти к ней, обдирая колени по дороге. Если бы пришлось ползти, то это была бы не мечта, а цель, а ставить такую цель Вика не хотела. Мечта прекраснее цели.

Она мечтала попасть на необитаемый остров с шестнадцати лет. И даже точно помнила момент, когда ее мечта родилась: когда она увидела у подружки книгу – братья Стругацкие, «Обитаемый остров». Вика не читала Стругацких, но название заставило ее остановиться возле застекленной книжной полки, с которой смотрели забавные стеклянные зверушки: собачонки, бегемотики, ушастые мыши. «Почему же “обитаемый”? – удивилась она тогда. – Нужно было назвать “Необитаемый остров”». И в ту же секунду, рассматривая

желтый потертый корешок, поняла, что сама хотела бы оказаться на необитаемом острове, омываемом теплыми волнами. Ходить по нему в полном одиночестве, зарываться в песок, кричать во весь голос и громко распевать песни. Вика даже удивилась возникшему желанию: до тех пор самой сильной ее мечтой было залезть на чердак, закрыться изнутри и устроить там себе комнатку – с голубыми стенами, с синим диваном... И чтобы в дырочку в крыше было видно небо. Необитаемый остров... Как же она раньше об этом не думала?

Вика выпросила книжку «почитать на время», и следующие полгода не читала ничего, кроме Стругацких, – и «Понедельник», и «Малыша», и «Улитку на склоне», и «Пикник на обочине»... «Обитаемый остров» оказался вовсе даже не об острове, но она знала книгу наизусть и временами начинала цитировать целые куски к месту и не к месту, чем жутко выводила из себя отца. Впрочем, отец из-за всего мгновенно выходил из себя. Ему нравилось само состояние – «я вышел из себя и сейчас пребываю в ярости».

Постепенно мечта заснула, притаилась в уголке души. Заново свой необитаемый остров Вика воочию увидела в один отвратительный день, когда на нее дважды накричали в метро, порвали новые колготки, а на эскалаторе ее толкнула какая-то бойкая баба, пробивающаяся наверх. Вика снова начала воспринимать человеческую массу вокруг как нечто враждебное, серое, пытающееся и ее сделать такой же серой, поглотить и разжевать, отыгивая несъедобные пуговицы ярко-оранжевого цвета. «Уехать от всех, – твердила она, как заклинание. – Уехать от всех туда, где нет людей, где не толкают, не лезут в душу, не издеваются... На необитаемый остров».

Тогда она не сдержалась, нарушила свое правило и поделилась переживаниями с Антоном Липатовым, симпатизировавшим ей. От Антона можно было не ожидать предательства – она давно это почувствовала, только по старой привычке боялась с ним откровенничать. Но в тот день на нее навалилось столько гадостей

и неприятностей, что она чуть не расплакалась и рассказала ему о своей мечте. Антон покивал сочувственно, сказал правильные ободряющие слова, а вечером прислал ей по электронной почте письмо – странное письмо, она даже не сразу поняла, что он пытается ей объяснить.

«Вика, – писал Антон, – я долго думал над тем, что ты сказала... про необитаемый остров. Знаешь, мне кажется, что ты пытаешься сбежать от действительности и сама придумала для себя красивую сказку. Не обижайся, пожалуйста, потому что я пишу так только потому, что мне хочется тебе помочь. Ты слишком уязвимая, Вика. Давка и ругань в метро – не повод для того, чтобы ненавидеть всех людей. Пойми, что твой остров – он внутри тебя! Если нет, его нужно создать. Это гораздо проще, чем напрасно мечтать о прекрасных и недоступных островах Тихого океана: белоснежных, теплых, бесконечно далеких от земли...»

Вика, прочитав послание целиком, сначала рассердилась на Липатова, который вздумал лезть не в свое дело, потом умилилась его романтичности и попытке писать красиво, затем прониклась жалостью. Ничего-то он не понял, этот благополучный Липатов. Да впрочем, это и не важно – важно то, что он и вправду старался ей помочь.

И вот теперь она летела – летела, летела! – на остров – остров, остров! – с певучим названием Гуадалканал. Вика знала, что в аэропорту ее должны встретить, отвезти в гостиницу переночевать, а затем – отправить вертолетом на самый настоящий необитаемый остров. «Наверное, маленькая гостиница для богатых постояльцев, – представляла Вика, глядя, как облака поднимаются все выше. – Белая... под пальмами...»

Когда самолет вынырнул из облаков, у нее захватило дух от увиденного. Внизу простиралась острова. Большие и маленькие, вытянутые и круглые – нескончаемая череда островов, и Вике захотелось высунуть голову из иллюминатора, чтобы разглядеть,

где же она заканчивается. Из синего океана выныривали желтые и зеленые пятнышки, иногда сливались в одно целое.

– Это – Соломоновы острова? – с изумлением спросила Вика.

– Они, – подтвердила соседка. – Красиво, правда? Через десять минут, даст бог, мы с вами приземлимся в Хониаре.

В аэропорту было неожиданно тихо и как-то... скучновато. Человека с листом бумаги, на котором было выведено: «Виктория Стрежина», – Вика заметила сразу, как только вышла из зоны таможенного досмотра. Высокий молодой парень в гавайской рубашке, расписанной пальмами, с улыбкой смотрел, как она подходит к нему.

– Здравствуйте, рад вас видеть, Виктория. Меня зовут Глеб, я представитель фирмы. А заодно и ваш гид на ближайшие сутки. Как вы долетели?

– Все хорошо, спасибо, – ответила Вика, непроизвольно выхватывая взглядом из толпы чернокожую женщину, замотанную в яркую пятнистую ткань. Из прически женщины торчали в разные стороны три палочки, отчего ее голова была необыкновенно похожа на неаккуратное гнездо. – Просто... все так необычно...

– Вы привыкнете, – пообещал Глеб, по-прежнему улыбаясь и изучая ее реакцию. – Ну что же, добро пожаловать в Хониару. Пойдемте, нас ждет машина.

Оставшись одна в гостиничном номере, Вика медленно обошла комнату и остановилась напротив зеркала. Его украсили живыми цветами, похожими на шиповник, – яркими, но без запаха. В зеркале отражалось ее бледное лицо, а в глазах, казалось, застыло удивление.

– Все самое интересное только начинается, – радостно сказала она своему отражению, и оно улыбнулось ей во весь рот. – Только начинается!

На следующее утро Вика снова ехала в машине, зевая на ходу: ее разбудили в четыре утра. Город вокруг был таким тихим, пыльным и неинтересным, что она почувствовала разочарование. Серые коробки домов, мусор на улицах, скучноватые одинаковые пальмы... Вдалеке за городом поднимались горы, густо поросшие лесом. «Почему мне казалось, что остров будет желтым и солнечным? Не такой уж он и солнечный... Неужели и мой необитаемый такой же?»

– Вы раньше летали на вертолете? – прервал ее мысли Глеб, выглядевший так, словно безмятежно проспал двенадцать часов. Сегодня рубаха на нем была в мелких зубастых акулах.

– Нет, никогда, – покачала головой Вика.

– Тогда я советую вам принять вот это. – Гид протянул ей таблетку в серебристой упаковке.

– А... что это?

– Против укачивания. Обычно наши туристы не ожидают, насколько далеко нам придется лететь, и оказываются... э-э-э... неподготовленными. Вот, прошу вас, – откуда ни возьмись, появилась бутылочка с водой, с которой Глеб одним движением пальцев открутил пластиковую крышечку. – Запейте.

Вика послушно взяла предложенное лекарство.

– Я никогда раньше не пила таких таблеток, – неуверенно произнесла она.

– Если вы не хотите, я ни в коем случае не настаиваю, – тут же поднял руки вверх Глеб, словно сдаваясь. – Нет-нет, вы лучше знаете собственный организм. Просто лететь предстоит не десять минут, а подольше, а переодеваться в вертолете не очень удобно... В общем, всякое бывает...

Вика представила, как ее тошнит над океаном и во что превращается ее новый сиреневый топик, купленный специально для этой поездки, и решительно взяла упаковку. Треск – и белая таблетка выпала ей на ладонь. Вика запила ее водой, прислушалась к своим ощущениям и снова зевнула – спать хотелось невыносимо.

– Ну вот и отлично, – кивнул обрадованный Глеб. – Теперь, может быть, вы даже поспите в вертолете.

– Ни за что! – тут же проснулась Вика. – Что вы, проспать такое приключение, как полет над океаном?! Ну уж нет!!!

Глеб рассмеялся, потом покачал головой.

– Эх, как я завидую вашему энтузиазму, – признался он. – Для вас – приключение, а для меня – рутина. Я летаю на этот остров раз в две недели, сопровождаю наших туристов, которым хочется экзотики. Скучно! Все знакомо.

– А как называется остров? – спросила Вика, с трудом преодолевая зевоту.

– У него нет названия. Не удивляйтесь, здесь принято давать имена либо большим островам, либо населенным, а наш островок – ни то, ни другое.

Машина притормозила, плавно повернула и остановилась. Перед Викой простиралось небольшое заасфальтированное поле, в дальнем конце которого торчал здоровенный квадратный ангар, выкрашенный в ярко-желтый цвет. Два полосатых желто-зеленых вертолета, казавшихся из окна машины смехотворно маленькими, стояли неподалеку от ангара.

– Пойдемте, пилот уже должен нас ждать, – бодро сказал Глеб, вылезая наружу.

Пилот и в самом деле сидел в кабине – маленький, полноватый, с коричневой лоснящейся кожей. Он небрежно взглянул на Вику, бросил пару слов на непонятном птичьем языке Глебу и негромко рассмеялся, когда тот ответил. В вертолете пахло специфически – машинным маслом, авиационным бензином, пластиковой обшивкой и еще почему-то старыми тряпками, лежалыми вещами... Вика помнила этот запах, никогда не выветривающийся из квартиры ее родителей.

– Садитесь сзади, – кивнул Глеб на кресло, забираясь рядом с пилотом.

Соседнее с Викой место было завалено серыми коробками. Она попыталась подвинуть одну, оказавшуюся у нее под ногами, и обнаружила, что сил не хватает.

– Простите, – позвала она, – а нельзя ли убрать коробки?

– Извините, никак, – с сожалением покачал головой Глеб. – Между прочим, в них ваши запасы.

И, глядя на ее недоуменное лицо, пояснил:

– Те, которые вам понадобятся на острове. Мы подходим к нашей задаче очень ответственно, вы сами в этом убедитесь. Так что потерпите, пожалуйста. Ну что, с богом?

Он слегка хлопнул пилота по плечу и ободряюще подмигнул Вике.

«Понадобятся на острове? – повторила про себя девушка, пытаюсь понять, что имел в виду гид. – Для чего понадобятся? Да еще в таком количестве?»

– Глеб! – позвала она, но за шумом вертолета не услышала собственного голоса. – Гле-еб!

«Ладно, спрошу потом. И все-таки странно...»

Она поставила свою небольшую сумку с вещами и документами на колени и стала смотреть в грязное окно. Вертолет, вибрируя, оторвался от земли и быстро понесся над синей гладью океана.

Вика провалилась в сон молниеносно, как будто ее уставший от перелета, волнений и смены часовых поясов организм только и ждал, когда вертолет поднимется в воздух. Она спала без сновидений, глубоко и крепко, и проснулась оттого, что кто-то тряс ее за плечо и бормотал полную тарабарщину. Резко открыв глаза, Вика в первую долю секунды не поняла, где она и что происходит, но тут же увидела над собой коричневое лицо пилота, весело скалящего желтоватые зубы. «Прилетели. Господи, как же я уснула?»

Она неуклюже вылезла из кресла, пробралась между двух коробок, отметив, что остальные куда-то исчезли, высунула голову в открытую дверь и оторопела.

Синий. Белый. Зеленый. Три цвета – неправдоподобно, сказочно ярких были перед ней. Белый песок с желтоватым оттенком, зеленые деревья, полоса которых начиналась в двадцати метрах от вертолета. И синяя вода, накатывающаяся на песок и отбегающая обратно. Шумели волны, шумел ветер, шумели деревья. Вика глубоко вдохнула, и ей показалось, что она дышит волнами, – воздух был морской, соленый и свежий.

Внизу что-то прошуршало, и, переведя взгляд, она обнаружила Глеба, волочащего по песку коробку. В песке за ней оставался глубокий волнистый след. Проследив за ним взглядом, ошеломленная Вика обнаружила под пальмами палатку, а рядом – остальные коробки, аккуратно расставленные в ряд, и пять больших бутылей с водой.

– Я уже почти все закончил! – крикнул ей гид, поднимая красное лицо. По лбу его стекали капли пота. – Вы молодец, проспали весь перелет.

Он остановился, разогнул спину и потянулся. Ворот его рубашки был мокрым от пота, и верхняя акула потемнела.

Вика спрыгнула на песок и в каком-то оторопелом состоянии пошла вдоль берега. На ногах были легкие сандалии, в дырочки которых сейчас забивался песок, и она чувствовала твердые теплые крупинки между пальцами. Дойдя до линии прибоя, девушка остановилась, постояла пару минут и обернулась к Глебу. Тот успел дотащить коробку до общей кучи и теперь сидел в тени под пальмами. Пилот остался в вертолете.

Вика подошла к гиду, чувствуя, что в голове все перемешалось. Она ощущала себя Алисой, которая летит по кроличьей норе и разглядывает банки с вареньем, пытаясь вести себя как ни в чем не бывало. Ей тоже нужно было вести себя так, словно все происходящее – в порядке вещей.

– Глеб... – начала она, пытаясь подобрать правильные слова. Они не подбирались, потому что все мысли разбежались в разные стороны и не хотели собираться. – Глеб, где мы?

Тот поднял на нее озадаченное лицо.

– На вашем острове, – удивленно отозвался он. – Вас смущает, что мы так быстро прилетели? Вика, с вами все в порядке?

Она машинально кивнула и опустилась на теплый песок, рассматривая вертолет. Полосатая машина на песке выглядела настолько чужеродным телом, что, казалось, рассердившиеся волны вот-вот зальют ее и утащат в подводное царство.

«На вашем острове»...

Она открыла было рот, чтобы спросить, где гостиница, но передумала. Ответ на ее вопрос стоял в пяти шагах – темно-зеленого цвета, закрепленный колышками в песке.

– Что в ящиках? – спросила Вика, сама не понимая, почему голос звучит так хрипло.

– Провизия. Я вам все покажу, только отдышусь чуток, – пообещал Глеб. – Может быть, хотите пройтись, осмотреться? Здесь безопасно, уверяю вас.

Девушка молча покачала головой.

«На вашем острове»...

– Виктория, с вами точно все нормально? – встревожился гид, наклоняясь к ней. – Вас все-таки укачало? У вас бледное лицо...

Вика подняла на него глаза.

– Я... я не думала, что это настоящий необитаемый остров, – выдавила она наконец.

– Подождите, – нахмурился Глеб. – Как же не думали? В этом и состоит смысл выигрыша – подарить победителю настоящий необитаемый остров, чтобы он мог насладиться одиночеством и покоем в полной мере. Остров – просто рай, вы сами убедитесь. Чего же вы ожидали, Виктория?

«Я думала, что здесь стоит гостиница, и постояльцы с обслуживающим персоналом притворяются, что не замечают друг друга, – мысленно ответила Вика. – Еда появляется сама собой, белье меняют каждый день, но ты не видишь тех, кто убирается в номере. Я ожидала увидеть иллюзию необитаемого острова.

Я не знаю, почему мне так казалось. Белое кирпичное здание на берегу океана, или коричневое бунгало, или что-нибудь в таком роде... Господи, я не думала, что вы привезете меня на самый настоящий необитаемый остров!»

– Почему-то я решила, что здесь будут еще люди кроме меня, – выговорила она, не глядя на Глеба. – Глупо, конечно. Просто я очень удивилась, когда увидела... это все... – Она нерешительно обвела рукой белое, зеленое и синее.

– Нет-нет, никаких людей, – слегка обиженно заявил гид. – Наш остров очень маленький и совершенно необитаемый, как, впрочем, большинство Соломоновых островов. Давайте-ка я расскажу все, что вам пригодится на ближайшие две недели. Во-первых, продукты...

Вика слушала гида, впав в легкое отупение. Казалось, что вместо мозгов в голове перекачивается вязкая жидкость, в которой тонут любые здравые мысли. Она даже не заметила, как поднялась и пошла за своим провожатым, покорно кивая в такт его словам и переводя взгляд с одной коробки на другую.

– В канистрах, как вы видите, – вода, в каждой по двадцать литров, – донесся до нее голос Глеба. – Посмотрите, как открывается крышка. Попробуйте сами, это очень легко. Вот здесь – продукты...

Девушка моргнула, глядя на одинаковые блестящие банки, которыми была заполнена очередная коробка.

– Хлеб, яблоки, чай, печенье... – перечислял Глеб, двигаясь вдоль коробок и ловко приоткрывая крышки с защелкой. – Шоколад для вас...

Вика наклонилась к синим плиткам. Горький шоколад – как раз такой, какой она любила. Много горького шоколада...

Глеб все говорил и говорил, показывая ей содержимое очередного ящика, заставляя повторять те действия, которые проделывал сам. Он был добросовестным и хорошим гидом, этот Глеб, он следил за тем, чтобы она ничего не пропустила из его инструкции: ни указаний, как правильно втыкать колышек, если он вылетит

из песка, ни объяснений по поводу ярких желтых пакетов в «аптечной коробке», ни напоминаний о том, где именно лежат вилки, ложки и ножи.

– Хозяйственный ящик помечен зеленым крестом, – повторил он в третий раз. – Вы ничего не перепутаете.

Он полез в карман рубашки и достал небольшую черную коробочку с красной кнопкой в левом углу.

– Не потеряйте, – вручил он ее Вике.

– Что это такое?

– Назвать сей предмет рацией у меня язык не поворачивается, – усмехнулся Глеб. – Скорее – передатчик. На двух соседних островах работают станции, которые пеленгуют сигнал и немедленно передают нам. Случись что, до вас доберутся на вертолете за десять минут. Запоминайте: одно нажатие на кнопку рассматривается как просьба прилететь. Неважно, зачем: может быть, вас что-то испугает, или вы не сможете открыть какую-нибудь коробку, хотя... – он задумался, покачал головой, – не представляю, что здесь может не получиться. Да и пугаться, откровенно говоря, совершенно нечего. Погода будет ясная, она здесь девять месяцев в году такая. Животных и змей на острове нет, как и ядовитых или кусачих насекомых. Конечно, всякие там противомоскитные мази я вам оставил, но уверен, что они не пригодятся. Москиты остались в Москве.

Он ухмыльнулся, и Вика слабо улыбнулась в ответ.

– В общем, про одно нажатие я вас предупредил. Теперь, – он посерьезнел, – если вдруг, упаси господи, случится что-то серьезное – нажимайте несколько раз. Больше одного нажатия – это призыв о помощи. Например, полезете вы на пальму, упадете и ногу сломаете.

Он окинул взглядом ближайшую пальму и скептически хмыкнул:

– Надеюсь, Виктория, вам не придет в голову лезть на пальму. В общем, вы запомнили – нажать несколько раз на кнопку. А если вы захотите отменить вызов, нажмите два раза. Понятно?

Девушка кивнула, и Глеб положил ей в руку оказавшийся неожиданно легким передатчик.

– А вдруг он не работает? – тихо спросила она.

– Как не работает? – удивился Глеб. – Почему бы ему не работать? Вот, смотрите сами.

Он обернулся к вертолету и что-то громко крикнул. Пилот высунулся из кабины и переспросил. Гид ответил односложно, коричневый пилот кивнул и скрылся внутри; его фигура была видна в окне.

– Я попросил его включить приемник, – объяснил Глеб. – Они есть во всех вертолетах, осуществляющих перевозки на острова. Сейчас вы услышите, какой будет сигнал. Нажмите один раз, прошу вас.

Вика с легкой опаской вдавила красную кнопку. Несколько секунд стояла тишина, которую внезапно прорезал высокий противный звук, похожий на кошачье мяуканье, застывшее на одной ноте. Глеб поморщился и побежал к вертолету, увязая в песке. Пилот выглянул на его крик, расхохотался и опять исчез внутри. Две секунды – и звук стих.

– Вот видите! – Запыхавшийся Глеб добежал до Вики и плюхнулся на песок. – У него, прошу заметить, выставлена небольшая громкость, иначе от вашего нажатия заорало бы так, что листья с пальм посыпались. Так что будьте спокойны.

Вика кивнула. Она постепенно начала успокаиваться. Действительно, с чего она запаниковала? На ближайших островах есть люди, у нее с собой имеется все необходимое, даже связь. Вокруг нее – место исключительной красоты, как раз такое, о каком она мечтала. Все будет хорошо. Да что там «хорошо» – все будет просто прекрасно!

– Ну что же, оставляю вас, Виктория, наслаждаться раем, – широко улыбнулся Глеб. – До встречи через две недели!

Он вразвалку побрел к вертолету, и Вика, глядя ему вслед, заметила, что уже две акулы на рубашке потемнели от пота. В голове мелькнула мысль, что она забыла спросить что-то очень важное, но,

пока она вспоминала, гид уже забрался в кабину и махал ей оттуда рукой. Пилот, не бросив и взгляда в сторону девушки, завел машину, и пропеллер начал раскручиваться – сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее. По песку побежали волны, а вода на море прогнулась, словно ткань, и пошла мелкими морщинками. Вика заткнула уши, потому что здесь, под пальмами, звук казался куда громче, чем внутри вертолета. «Сумка, – возникло вдруг у нее в голове. – Моя сумка!»

– Стойте! – закричала она и замахала руками, но вертолет уже поднялся вверх – так быстро, что девушка даже не успела заметить, в какой момент это произошло.

Только что стоял на песке – и вот уже висит в воздухе высоко над ней. Задрав голову кверху, прикрыв глаза от летящего песка, Вика разглядела в кабине два силуэта, а в следующую секунду вертолет понесся над океаном, похожий на толстую полосатую рыбину, научившуюся летать.

Она еще зачем-то добежала до берега, покричала оттуда и, только когда волна захлестнула ее ноги до колен и брызги намочили шорты, опомнилась и пошла обратно. Хотела было посмотреть по привычке, сколько времени, но вспомнила, что телефон остался вместе с документами в сумке. Да все там осталось – зубная щетка, два купальника, крем от загара, прокладки, черт возьми! Вика растерянно повертела в руках черную коробочку, раздумывая, не нажать ли «тревожную кнопку», устроив переполох в кабине, но, по здравом размышлении, решила, что не стоит. «Сумку заметят, она лежит прямо на кресле. Глеб заберет ее и оставит у себя. Если мне что-то понадобится, тогда и вызову помощь, а сейчас не буду».

Нажать на кнопку сейчас означало признаться в собственном бессилии, расписаться в том, что без паспорта, обратных билетов на самолет, косметички и небольшой стопки нужных вещей она, Виктория Стрежина, не может оставаться в этом странном месте.

– Я могу! – упрямо произнесла она вслух. – Между прочим, почему же оно странное? Ничего странного в нем нет. Прекрасное

место.

Вика пошла по песку, время от времени оборачиваясь и отмечая, как уменьшается вертолет. Гула давно не было слышно – лишь размеренный шум волн. Под ногами шуршал песок, теплый ветер обдувал лицо, и девушка почувствовала, что в голове проясняется. Она присмотрелась и заметила в прозрачной воде мелких красноватых рыбок, каждая – не больше ее мизинца. Рыбки держались стайкой возле берега, время от времени, словно подчиняясь невидимому сигналу, синхронно и резко изменяя направление. Мимо них проплыла округлая темно-коричневая рыба с белыми пятнами на спине. Глаза у нее были выпученные, с красным ободком, а прозрачные плавники раскрывались и закрывались двумя тончайшими веерами. Надменно выпяченная вперед нижняя челюсть придавала рыбе сходство с престарелой аристократкой, давно растерявшей состояние, но сохранившей заносчивость и привычку к роскошной жизни.

Рыба смотрела прямо на Вику.

– Господи боже мой... – сказала Вика, вглядываясь в золотистые глаза с красным ободком. – Рыба, как тебя зовут?

Игнорируя и ее вопрос, и стайку красноватых, пятнистая рыба с достоинством развернулась и поплыла в глубь вод. Стайка замедлила движение – и стремительно рассыпалась, словно лепестки цветка разметало ветром в разные стороны.

Солнце стояло высоко, и девушка ощущала, что топик прилипает к спине, а ляжки бюстгальтера натирают плечи. Она вернулась к палатке, разделась до трусиков и в некоторой растерянности уселась на шорты, обдумывая свое положение.

Вику кольнула неприятная мысль, как только она вспомнила пятнистую рыбу.

– Есть ли здесь акулы? – спросила она вслух. – И как я буду купаться?

С одной стороны, Глеб предупредил ее, что никаких опасностей на острове нет. С другой, Вика не сомневалась, что океан должен

кишеть самыми разнообразными созданиями, многие из которых могли быть ядовитыми или кусачими.

– Акулы, – вслух произнесла она, пробуя слово на вкус. – Акулы... Медузы... Здесь должны быть медузы. Или нет?

Подумав о медузах, она внезапно поняла, что ужасно хочет есть. Порыскав в коробках, Вика достала жестяную банку с непонятной надписью, отлила из канистры воды в кружку и открыла упаковку тонких полупрозрачных хлебцев желто-серого цвета. Разложила все это на собственном топике, потянула за кольцо на банке. Издав громкое чпоканье, крышка отлетела, и перед глазами Вики предстали темно-розовые волокна в мутной жидкости.

– Тушенка? – протянула она с недоверием. Запах консервов быстро убедил ее, что она не ошиблась. – Отлично. Пять звезд, все включено.

Двумя пальцами она достала кусочек, отправила его в рот, запила водой и поморщилась. Тушенку Вика не любила с детства.

Пять часов спустя она поужинала тем же набором. Хлеб оказался безвкусным. Вика съела два ломтя старательно, уговаривая себя, что ей все нравится, но в действительности ей не нравилось ничего: ни привкус бутылочной воды, ни соленая тушенка, ни хлеб, по вкусу напоминающий уже пережеванную кем-то бумагу.

Все шло не так, как она себе представляла. Необитаемый остров – прекрасный обитаемый остров! – был в ее распоряжении на две недели: без людей, как она и мечтала, с теплым морем вокруг и ясным небом над головой. Но Вика не испытывала ни одного из тех чувств, которые, по ее мнению, должна была испытывать, – ни радости, ни наслаждения, ни упоения одиночеством. Только растерянность и легкий страх. Сейчас, когда солнце опускалось в море и пальмы казались вырезанными в небе силуэтами, она могла себе в этом признаться. Ей было не по себе.

За прошедшие часы Вика успела разобраться в своих чувствах и обругать себя всеми ругательными словами, какие знала, а также

убедиться, что ругань не помогает. Оставалось решить, что делать дальше.

– Я переночую, – сказала себе Вика, зачем-то кроша на песок третий кусок хлеба, – а завтра нажму на кнопочку.

Девушка сняла со стоящей рядом коробки передатчик и повертела его в руках. Легкий... Тени от пальм удлинялись на глазах, но она успела найти в одном из ящиков мощный фонарик и теперь чувствовала себя спокойнее. Раскрошив хлеб до конца, она вздохнула и забралась в палатку, как следует застегнув за собой полог.

Через пятнадцать минут она выбралась обратно. В палатке было душно, Вика задыхалась. Звуки, на которые она не обращала внимания, пока сидела снаружи, внутри палатки стали отчетливыми до назойливости: шорох набегающей волны, поскрипывание дерева в глубине леса за пальмами и тихий раздражающий скрежет возле полога, словно кто-то пытался забраться в палатку и все повторял и повторял свои безнадежные попытки. Вика включила фонарик и посветила на песок. Маленький жучок скакнул вверх так неожиданно, что она вскрикнула и чуть не выронила фонарь, а жучок в несколько скачков пересек круг дрожащего света и исчез в темноте.

Вика опустилась на песок. Тяжелый фонарь приятно грел руку, а в другой был пульт с кнопочкой, и на секунду ей показалось, что все будет хорошо, просто отлично, нужно только провести здесь самую первую ночь, и она привыкнет. Ведь она мечтала об острове чуть ли не с шестнадцати лет, и вот ее мечта сбылась... Нужно всего лишь привыкнуть, потому что вот так, с ходу, получить мечтой по башке – такое не каждый может выдержать.

Она сидела на теплом песке, смотрела на поблескивающую лунную дорожку и продолжала уговаривать себя, уже понимая, что все закончено. Неважно, о чем она мечтала, – важно, что место, где она очутилась, не соответствует ее ожиданиям. И она ощущала себя не соответствующей ожиданиям острова, как будто прекрасный

белый песок, омываемый синей водой, ждал героя, первопроходца, да просто храбреца, на крайний случай, а получил ее – Вику Стрежину, двадцати шести лет, пугающуюся всего, что было вокруг, – непривычных звуков, непривычных запахов, непривычной красоты.

Прошло какое-то время – она не знала, сколько точно, потому что телефон остался в сумке, а сумка улетела вместе с вертолетом. Звезды над ее головой висели так низко, словно только что поднялись в черное небо с пальм и не успели пока взлететь выше. Вика залезла в палатку, вытащила спальный мешок, за ним – плед, обнаруженный ею в той же коробке, где был фонарик, и улеглась на мешок, накрывшись пледом. Можно было и не накрываться, ночь стояла теплая, но она и так чувствовала себя не в своей тарелке, и ей хотелось сохранить хотя бы видимость нормального ритуала укладывания в постель. Повернув голову к морю, девушка разглядела почти на самой его поверхности небольшие светящиеся пятна, то тускнеющие, то опять загорающиеся ярче. В первую секунду она чуть не закричала, но потом поняла, что светящиеся существа всего лишь опускались и поднимались в воде.

– Спокойной ночи, – вслух пожелала им Вика. – Увидимся утром.

Она закрыла глаза и сказала себе, что спит. Две минуты спустя она начала считать до ста. Досчитав, начала до тысячи. Когда счет пошел на третью, она села, откинула одеяло, тяжело выдохнула. И медленно вдавила красную кнопку на коробочке, лежащей под правой рукой.

Спустя долгое время Вика все еще продолжала прислушиваться к гулу океана, надеясь различить в нем звук приближающегося вертолета. Она даже подошла к воде и начала всматриваться в ту сторону, куда днем улетел Глеб. Светящиеся существа исчезли, и вода стала черной. Постояв возле нее, Вика подняла коробочку и с отчаянием нажала – один раз, другой, третий... И еще раз.

Тишина.

Стараясь растянуть минуты, чтобы дать тем, в вертолете, дополнительный шанс, она вытряхнула из спальника песок, проверила, хорошо ли застегнута «молния» на входе в палатку, подергала колышки, крепко вбитые в песок. И снова обернулась к океану с надеждой и затаенным страхом.

Тишина.

– Где же вы, ну где же вы?.. – пробормотала Вика, изо всех сил сопротивляясь панике. – Почему вы не летите? Вдруг я ногу сломала?

В ее голове мелькнула спасительная догадка о том, что она, должно быть, слабо надавливала на кнопку, и Вика поспешно схватила фонарик и посветила на передатчик, хотя его можно было рассмотреть и без фонарика. Она нажала на красный кружок пять раз подряд и убедилась, что он опускается до конца.

– Проводки отсырели! – громко предположила Вика, бросив взгляд в темное небо и убедившись, что вертолета по-прежнему нет. – Вот в чем дело!

Бросилась в палатку, вытащила из настенного кармашка раскладной нож и, установив фонарь на полу, поддела острием черную полоску на боку передатчика. Вика ожидала, что ей придется выкручивать какие-нибудь шурупы, долго разбирать сложное устройство, но все оказалось неожиданно просто. Коробочка крякнула и развалилась на две части.

Не веря своим глазам, Вика смотрела на пустую внутренность передатчика. Ни проводков, ни схем не было в нем – простая пластмассовая коробка с ограничителем, который не давал кнопке провалиться внутрь. Дрожащей рукой Вика нажала на кнопку и с ужасом смотрела, как та выдвигается с обратной стороны коробочки – игрушечной коробочки, пустой и никчемной.

Глава 5

За окном опять полил дождь, и Макар, любящий хандрить в такую погоду, ежась, закрыл форточку.

– Задохнемся, – буркнул под нос Бабкин, изучавший на полу карту Соломоновых островов.

– Простудимся, – парировал Илюшин, возвращаясь на диван. – Ну что, мой закаленный друг, выяснил что-нибудь полезное для нас?

За последние десять минут Бабкин выяснил, что Соломоновы острова, находящиеся в юго-западной части Тихого океана, занимают площадь около тридцати тысяч квадратных километров и включают в себя около девятисот островов.

– Большая часть из которых необитаема... – повторил он вслед за справочником. – Макар, большая часть из девятисот – это ведь немного, правда?

– Не очень, – согласился тот. – Если ты наконец-то восполнил свои пробелы в знании географии, предлагаю заняться делом.

Бабкин сложил карту по сгибам. Девятьсот островов, больших и маленьких, представились ему в виде клякс, между которыми лавировали акулы. Из самой большой кляксы торчала пальма в кадке, а на пальме висела гроздь бананов.

– Почему она не вернулась? – спросил он скорее у самого себя, чем у напарника. Вопрос был глупым, Сергей понимал, но нужно было с чего-то начать. – Куда она уехала из гостиницы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Елена
Михалкова

Остров
сбывшейся
мечты